

Альбина Шагапова

Для тебя моя кровь

Альбина Рафаиловна Шагапова

Для тебя моя кровь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43684212

SelfPub; 2022

Аннотация

Сто лет прошло после окончания войны между людьми и кровожадными монстрами, в которой люди одержали полную и безоговорочную победу. Враг изгнан, границы человеческого государства охраняются доблестными воинами, в домах установлены жучки безопасности, а каждый гражданин обязан проходить ежегодную вакцинацию. Но почему же в городах продолжают пропадать люди? И кем на самом деле является этот зеленоглазый незнакомец с повадками хищника?

Альбина Шагапова

Для тебя моя кровь

Пролог

Николай Кузьмич Колесников не любил смотреть на звёзды, насмотрелся уже за десять то лет блуждания в космосе. Когда за стёклами иллюминаторов лишь одна картина—чёрные, бескрайние, нескончаемые просторы вселенной, а под твоей ответственностью сорок тысяч человек, топливо и провизия на исходе, тут волей не волей возненавидишь и звёздное небо, и людей, и власть над этими самыми людьми. Десять лет скитания, надежды, планов, разочарования и снова надежды. Он сам себе напоминал Моисея, водящего евреев по пустыне.

— Неужели,— думал он порой в моменты отчаяния. — Во всей вселенной не найдётся ни одной планеты, пригодной для нас?

Миры такие разные, холодные или слишком горячие, окутанные ядовитым, непригодным для дыхания газом, или покрытые странной полужидкой массой, пустые или кишашие жуткими тварями. Человечество загубило свой дом, разрушило, ради какой— то безумной идеи и погибло. Спаслась лишь жалкая горстка людей под предводительством Колесникова, от которого ждали чуда, а чудо не происходило. Но вот однажды им повезло. Они нашли планету, такую же, как

Земля, с разумной жизнью, адекватными условиями.

Хозяева приняли пришельцев с радостью, и Николай Кузьмич сбросил с себя опостылевшее бремя власти. Теперь, об их благе думало правительство странного народа. Аборигены были похожи на людей, только сильнее и выносливее, обладали левитацией и управляли силами природы, извлекая из себя будоражащие кровь, звуки.

Пять лет безоблачного, беззаботного счастья. Рождались новые люди, у самого Николая Кузьмича на свет появилось двое чудесных правнуков. И если бы Колесникова спросили, скучает ли он по Земле, старик бы отрицательно покачал головой. Земля превратилась в развороченную, выжженную пустыню, о чём там жалеть?

Вот только беда приходит внезапно, оттуда, откуда её не ждут. Спустя пять лет выяснилось, что люди из космоса принесли какой-то вирус, совершенно безопасный для них, но смертельный для хозяев планеты.

Проводились исследования, ставились опыты, и наконец выяснилось, что вирус убить невозможно, зато можно сдерживать течение болезни, но для этого необходима человеческая кровь. Аборигены не преминули напомнить людям о их долге и потребовали по одному человеку из каждой семьи. Люди пришли в ужас, проклинали и планету, что заменила им дом, и гостеприимных её жителей, ставших вампирами, и Николая Кузьмича, за то, что он затащил их в логово кровавожадных монстров. Даже внучка, всегда такая милая, ласко-

вая и добрая к старику, узнав, что ей придётся отдать одного из мальчишек, сказала ему:

– Как же я ненавижу тебя! Знай, смерть моего сына лежит на твоей совести!

Николай Кузьмич не любил смотреть на звёзды, но сегодня у него не было выбора. Его кровать стояла напротив распахнутого окна, в которое глядела, усыпанная жемчугом, душная летняя ночь. Старик тихо умирал, стараясь не стонать, чтобы не разбудить правнуков и внучку.

Глава 1

Снег хрустел под ногами, над головой нависали плотные, серые тучи, такие же унылые и тусклые, как и моё сегодняшнее настроение.

В воздухе уже отчётливо пахло зимой, и от того на душе становилось ещё тоскливее. Моя старая курточка, под которую я предусмотрительно надела тёплый колючий свитер бабушкиной вязки, совершенно не грела, лишь стала теснее. Нужно покупать что-то новое на предстоящую зиму и не только по причине решительно подступающих холодов, но и для того, чтобы избежать насмешек со стороны коллег и учеников. Это скромной студентке педагогического института простительно бегать в протёртых джинсах, дутой куртёнке на рыбьем меху и детской шапочке. А вот взрослой работающей даме, преподающей такой важный предмет, как история, носить подобное безобразие просто неприлично. Так что придётся крепко задуматься над тем, откуда взять столь-

ко денег, чтобы хватило и на пуховик, о шубе даже мечтать не приходится, зимние сапоги и шапку. Холод пронизывал, впивался в тело длинными острыми иголками. И сколько не утыкайся носом в ,дохлый синтетический воротник, сколько не натягивай на уши дурацкое полосатое горшкообразное чудо отечественной трикотажной фабрики, теплее от этого не станет. Парочка частных уроков смогла бы решить мою проблему, но они, эти уроки, случаются у меня крайне редко.

А в свете событий, о которых кричат как газеты, так и телевидение, высовывать нос из своей квартиры после наступления темноты стало и вовсе опасно. О маньяке, похищающем людей, не говорил только ленивый. Так что бегать по домам после работы бабушка мне строго запретила.

– Кто знает, – резонно поучала она. – Может за одной из дверей, в которую ты позвонишь, тебя встретит не ученик, нуждающийся в дополнительных знаниях истории, а тот самый маньяк.

Сумасшедшего, по вине которого пропадали люди, я боялась, но ещё больше боялась расстроить бабушку, так что преподавать частные уроки могла только в стенах школы, где считалась не самым лучшим учителем. Молодая, неопытная, неуверенная в себе. Разве я могу составить конкуренцию динозаврам, отдавшим педагогике половину своих жизней?

Вот и здание школы. Оно встретило меня теплом, запахом готовящегося обеда, ,детскими голосами и светом люминесцентных ламп.

Взглянув на свои наручные часы, я поняла, что опаздываю, а опоздания директор не приветствует, считая это безответственностью и не умением распоряжаться собственным временем, так чему же тогда может научить такой учитель детей? Хотя, каждое собрание было братом— близнецом предыдущего. Всё начиналось с просьбы заведующего по хозяйственной части починить жучки безопасности, ведь они уже вышли из строя два года назад. Затем хвалили Юлию Сергеевну за стенгазету, посвящённую СГБ сделанную её классом в позапрошлом году, и теперь висевшую на вахте. Потом Аркадий принимался разглагольствовать о тяжком труде учителя, приводя в пример достойных и ругая недостойных. Так, что я могла посещать лишь третью часть собрания, которая касалась непосредственно меня.

Я приоткрыла дверь в актовый зал, где обычно Аркадий Кондратьевич проводил совещания, и, стараясь не привлечь к себе внимания коллег и начальника, проскользнула на свободное место в самом последнем ряду. Теперь можно расслабиться и, пока никто не видит, почесать свою многострадальную ногу, в области подколенной ямки. Зудящий пузырьёк, похожий на укус комара, неизвестно каким образом вскочивший на ногу, уже целых три дня не давал мне покоя. В людных местах я с трудом сдерживалась, чтобы не почесаться, но оставшись в одиночестве, раздирала кожу до крови.

Директор самозабвенно вещал о любви к детям, о том, что

учитель обязан найти подход к каждому из ребят, что только плохой педагог делит детей на умных и глупых, на злых и добрых, а вот хороший, подберёт ключик к любому ребёнку. Книжные, набившие оскомину слова, никак не помогающие, когдаходишь в класс, ломая голову над вопросом, что тебя ожидает сегодня, кнопка на стуле, тухлая селёдка в ящике учительского стола или просто сорок пять минут хамства, игнорирования и непослушания?

Может быть, я и впрямь плохой учитель? Может быть, я сделала неправильный выбор? Как же надоели эти вопросы без ответа! Как же я устала, а ведь ещё только вторая четверть началась.

Словно услышав мои невесёлые мысли, несколько учительских голов повернулись в мою сторону. В зале раздалось хмыканье, смешки, маскирующиеся под кашель. Все знали, кого имеет в виду директор, в чей огород камешек. Щёки мои запылали. Как же я ненавидела эту особенность своего организма, когда в самый неподходящий момент лицо накалялось, подобно сковороде, сердце начинало яростно трепыхаться в грудной клетке, а по телу пробегала дрожь. Всем вокруг сразу же становилось ясно, что та или иная тема разговора меня волнует, пугает, злит, обижает. Чтобы читать мои эмоции, как книгу, и телепатом быть не нужно.

Ну и как, спрашивается, в таком состоянии мне идти к детям, как объяснять новую, довольно сложную, тему?

– И ещё, дорогие мои коллеги, – раздавался, будто бы

из под воды голос Аркадия Кондратьевича.— Предупреждаю вас о том, что коммерческая деятельность в стенах школы строго запрещена. Мы должны показывать детям своё бескорыстие, свою чистую, незамутнённую неизменными чувствами любовь. А что они видят перед собой? Я к вам обращаюсь, Наталья Николаевна?

Наташа, учитель математики ткнула меня в бок, скорчив рожу и высунув язык. Затем, тут же приняв вид благовоспитанной леди, звонко отчеканила:

— Я, как и множество моих коллег могла бы согласиться с вами, если бы наши зарплаты стали чуточку побольше. Знаете ли, я люблю кушать мясо, а не пустые макароны, а зимой люблю одеваться тепло, а не мёрзнуть в осенних ботиночках и куртке на все времена года.

Я завидовала Наташе. Она никогда не краснела, не робела, могла сказать человеку всё, что о нём думает, независимо от того, кем он является, подругой, сварливой соседкой, родственником или начальником.

Ученики её побаивались, но уважали, а она даже после ссоры с кем-либо, оставалась весёлой, беспечной, и готовой вновь общаться с тем, с кем только что ругалась.

По залу разлилась напряжённая тишина, все ждали ответа директора.

Прозвенел звонок в коридоре, затопало по лестницам множество детских ног.

— Вы недовольны решением триумvirата о зарплате учи-

телей? Вас не устраивает существующий строй? Это вольнодумство, милочка, которое карается законом. И я, как добропорядочный гражданин обязан подать рапорт.

Голос Кондратьевича был нарочито спокойным, вкрадчивым. По его лицу, круглому, желтоватому, с редкими седыми усиками расползлась хищная улыбка акулы, предвкушающей сытный ужин.

Наталья поняла, что на сей раз перегнула палку и теперь сидела притихшая, напуганная, втянув голову в узкие плечи.

– Ну что же вы замолчали, Наталья Николаевна? Где же ваша смелость? Так страшно потерять низкооплачиваемую работу? А вы, уважаемые коллеги от чего притихли?

Глаза– буравчики, зашарили по побледневшим лицам педагогов. Энергия всеобщего страха стойко зависла в воздухе, протяни руку, и дотронешься до липкой паутины с тухловатым запахом – Может кто-то ещё не доволен своей зарплатой? Может быть, кто– то мечтает свергнуть триумvirат и вернуть довоенное время? Кого ещё, кроме Натальи Николаевны, я могу заподозрить в шпионаже в пользу вражеского государства?

По лицу Наташи растеклась мертвенная бледность, нервно задрожал подбородок, зрачки расширились. А директор продолжал разливать соловьём о том, что не нужно никогда терять бдительности, что коллектив не смог заметить дурных наклонностей Натальи Николаевны и теперь, пожинает плоды..

Учителя испуганно прятали глаза, кто разглядывал носки собственных туфель, кто лепнину на потолке, кто деловито уткнулся в свои бумаги.

В учительской, когда по близости не наблюдалось ни завуча, ни директора, каждая из учительниц, будь это молоденькая девушка, или пожилая матрона, считала своим долгом пожаловаться на низкую зарплату, на нехватку денег, на усталость, ведь после работы, нужно было репетиторствовать. А вот сейчас все замолчали, словно их совершенно устраивает такое положение вещей. Мол, они покладистые, законопослушные, а вот Наташка...

А ведь никто из них даже и не сочтёт себя предателем, после этого совещания потянутся в Наташкин кабинет с сочувствующими речами, предложениями попить чайку.

Отринув сомнения, я поднялась и постаралась произнести, как можно ровнее, хотя голос мой в подобных ситуациях всегда дрожит и напоминает комариный писк:

– Аркадий Кондратьевич, звонок уже прозвучал, а у меня сегодня первый урок в девятом «А», и тема очень важная «Величайшая война человечества».

Было слышно, как многие сидящие в зале облегчённо вздохнули. Плечи Наташки расправились, и я успела поймать её благодарный взгляд.

Директор, даже как -то поспешно, кивнул и, скомкано попрощавшись, разрешил всем разойтись по своим рабочим местам.

Наши с Наташей кабинеты располагались по соседству, и мы вместе отправились в свои классы.

—Ты меня спасла — прошептала мне на ухо подруга.— Спасибо тебе.

— Да ладно, ерунда,— постаралась я ответить как можно безразличнее , хотя душа моя ликовала, от осознания того, что мне удалось немного помочь другому человеку, удалось перебороть свою робость.

Ещё бы в класс уверенно войти и не наткнуться на очередную шалость милых деток, вроде масляной лужи у доски. На одной такой луже я поскользнулась ещё в сентябре, когда впервые вошла в класс. Это был мой первый рабочий день. Я с трепетом ждала его, ведь в моём представлении молодого специалиста, дети были милыми комочками энергии, шумными, весёлыми, стремящимися к знаниям. Я отыскала много интересной информации, ведь, заниматься только по учебнику так скучно, подготовила игры, помогающие не только отдохнуть детям от урока и немного расслабиться, но и закрепить полученные знания.

Разочарование было сильным, до боли, до слабости в руках и ногах, до едких слёз. В пятом классе меня никто не желал слушать, дети шумели, переговаривались друг с другом, делились впечатлениями о проведённых летних каникулах. Седьмой и восьмой классы встретили угрюмым молчанием. Девятый «Б» и вовсе на урок не явился, а в девятом «А», я поскользнулась на масляной луже, порвала новые

колготки, испачкала светлую юбку и больно ударилась коленом. Сквозь брызнувшие из глаз слёзы боли и обиды, я видела искажённые злорадными улыбками детские лица, слышала наполненный призранием смех.

—Вот это мужик!— голос подруги ворвался в мои мысли. — Чего это он у двери в твой класс делает?

Я взглянула в ту сторону, куда был направлен восхищённый взгляд Наташи.

Там, прислонившись к стене, стоял молодой мужчина, широкоплечий, с пшеничными волосами, собранными в небольшой хвост на затылке. Массивный подбородок, прямой нос, цепкий прищуренный взгляд, зелёных глаз, мышцы, бугрящиеся под белой расстегнутой до середины груди рубашкой. Да уж, тут было от чего терять дар речи и стоять с открытым ртом. Но вот только меня это совершенно не волнует. Я давно уже простилась с детскими мечтами о красавцах, ясно осознав несбыточность подобных грёз. Даже если выдвинуть такое дурацкое предположение, что он явился с целью познакомиться с какой-нибудь молодой учительницей, то у меня в любом случае нет шансов. Вот Наташа, совсем другое дело. Стройная, высокая, яркая брюнетка, со смуглой кожей, с выразительными шоколадными глазами. А я? Так, мышь белая, низенькая, пухленькая, с тусклым тёмно— русым пучком на голове. А сегодня, как назло, даже подкраситься не успела.

Мужчина легко оттолкнулся от стены и направился к нам.

Меня захлестнуло необъяснимое чувство опасности. Возникло ощущение, словно в нашу с подругой сторону приближается дикий зверь. И не важно, что он на данный момент спокоен и расслаблен, не важно, что свою силу он пока не торопится демонстрировать, в любой момент этот зверь мог напасть стремительно и неумолимо.

– Добрый день, уважаемые дамы, – проговорил он, поравнявшись с нами.

От его низкого бархатистого голоса по спине побежали мурашки.

Чего ему от нас надо? Может быть он ищет кого то другого? Сейчас этот снежный барс задаст вопрос, поблагодарит и уйдёт по своим делам.

Но моим чаяньям не суждено было сбыться. Незнакомец продолжил:

– Мне бы хотелось поговорить с Иннгой Анатольевной.

Зелёные глаза смотрели мягко, почти просительно, но я чувствовала, что это обман, ловушка, что этому взгляду нельзя верить, что на меня сейчас смотрят глаза хищника, сытого, довольного, уверенного в себе.

– Чем я могу вам помочь?

Успокойся, Инга, ты на своей территории, при исполнении своих обязанностей, он не сделает тебе ничего плохого в стенах школы.

– Меня зовут Алексей Ковалёв, я собираюсь поступать в университет, ищу хорошего репетитора по истории. Одна из

ваших коллег рекомендовала мне вас.

Чувство необъяснимого страха сменилось с начала удивлением, а потом обидой. Ну кто этот шутник? Кому вцепиться в волосы за медвежью услугу? Конечно, взявшись за эту работу, я смогу решить свою проблему с покупкой зимней одежды, и другая учительница давно бы уцепилась за подобную возможность, а вот я не могу. Страшно ! И страх этот древний, первобытный. Так, наверняка, боятся молодые, только оперившиеся птенцы, впервые столкнувшиеся с кошкой. Они ни разу не видели, как она ловит птиц, и даже не знают, что она вообще это делает, но все их инстинкты кричат им : «Беги! Спасайся! Перед тобой опасность!»

—Вам дали правильную рекомендацию,— вступила в разговор Наташа.— Инга Анатольевна отличный преподаватель истории. А если вам нужен репетитор по математике, то я бы могла...

— Спасибо, математика мне не понадобится,— ответил незнакомец.

Его ровная, белоснежная улыбка, очевидно, предназначалась для смягчения отказа, но глаза мужчины полыхнули недобрым огоньком.

— Вопросы здесь задаю я, — словно хотели сказать они.

Иррациональный страх по отношению к этому человеку разрастался во мне в геометрической прогрессии, готовый превратиться в панику. Я уже не задумывалась о природе этого странного ощущения, просто боялась, просто молила

высшие силы о том, чтобы незнакомец вспомнил о каких-то своих важных делах и покинул нас.

— Инга Анатольевна, — продолжал снежный барс. — Вы, вероятно, думаете, что я староват для абитуриента. Наверное, так оно и есть. Просто, я бывший военный, моё звание сейчас не имеет значения. Я по состоянию здоровья вынужден был подать в отставку, и вот, начинаю жизнь заново.

— Вы хотите учить детей! — восхищённо воскликнула Наташа. — О, как же это благородно!

— Вы меня смущаете.

Улыбка мужчины стала ещё шире.

— Нам запрещено давать частные уроки в стенах школы, — твёрдо проговорила я. — К тому же, звонок прозвенел, и мне нужно идти в класс к детям.

— Простите, я совсем не хотел мешать вам работать.

В голосе белобрысого слышалось раскаяние, но вид его говорил о противоположном. В глазах читался вызов, предвкушение интересной игры, которую он, без всякого сомнения собирался выиграть.

— Инга! — воскликнула подруга, вот тянули её за язык. — Так пусть молодой человек посидит на твоём уроке, ему наверняка будет интересно.

Я отправилась в класс, махнув незнакомцу, чтобы он следовал за мной.

Пусть посидит среди учеников, посмотрит, какая я жалкая, бездарная и робкая, вежливо попрощается и уйдёт ис-

кать другого преподавателя. А я забуду о нём, как о неприятном недоразумении.

Стоило нам со снежным барсом войти в класс, как все разговоры смолкли. Дети почтительно встали, приветствуя нас. Это случилось впервые за всё время моей работы. Обычно девятый «А» не обращал на меня внимания, дети смеялись, шумели, копались в телефонах. Я же, стояла у доски, произнося никому ненужные слова своей лекции, то и дело поглядывая на часы, ожидая конца урока.

Я не обольщалась, детишки приветствовали не меня, на них так же давила сила этого Ковалёва.

Я с мрачным удовлетворением отметила, как мальчишки втянули головы в плечи, словно ожидая удара, а девочки, на прошлом занятии, чувствующие своё превосходство, уверенные в себе, высокомерные, трусливо потупили взгляд, спрятали под парты длинные накрашенные ногти.

–Здравствуйте, ребята! Садитесь.– проговорила я, пряча горькую усмешку.

Так должен начинаться каждый урок, а не только тот, на котором присутствуют мужики с повадками хищника.

Ребята сели, стараясь не шуметь отодвигающимися стульями.

– Открываем тетради и записываем тему: « Величайшая война человечества»

Ребята, что вы сами знаете об этом великом историческом событии?

Взметнулся лес поднятых рук.

– Величайшая война человечества, это война, которая была сто лет назад– неуверенно произнёс двоечник Ярослав Животков.

– Величайшая война человечества – это война между людьми и вампирами, в которой люди одержали полную и безоговорочную победу, – отчеканила отличница Леночка Мугина.

Пусть этот урок будет единственным нормально проведённым уроком, пусть покладистость учеников вызвана не моими педагогическими талантами, а присутствием чужого человека, но я сегодня чувствовала себя учителем, деловым, способным вбить знания в пустые детские головы. Я постаралась не думать о завтрашнем дне, о том, что через сорок пять минут волшебство развеется, что карета превратиться в тыкву, а платье в лохмотья. Это мои сорок пять минут, и я распоряжусь ими по максимуму.

– В 3019 году 21 декабря, в 5 утра человеческие войска напали на поселения вампиров. Нападение готовилось многие годы. На заводах и фабриках тайно изготавливалось оружие, в медицинских лабораториях разрабатывалась антивампирская сыворотка, чтобы отвратить кровавых врагов от человеческой крови. Сывороткой снабдили каждого источника. Работавшие на вампиров люди– источники, вводили себе эту сыворотку, чтобы их кровь стала непригодной для вампиров. Как вы думаете, ребята, зачем это делалось?

И вновь лес рук. Это историческое событие передавалось из уст в уста, от деда к отцу, от отца к внуку, от внука к правнуку.

— Чтобы кровь источника стала непригодной для вампира — ответила Катя Трузина.

А мне всегда казалась, что девочка интересуется лишь косметикой, модной одеждой и мальчиками.

— Только человеческая кровь позволяет вампиру управлять магией стихии— подхватил Витя Карасёв.

Радость затопила меня с головой. Всё вокруг казалось ярким. Жизнь прекрасна! Жизнь удивительна! Ещё немного и я взлечу к потолку, словно воздушный шарик. Неужели мои коллеги каждый день испытывают это счастье? Как же это чудесно смотреть на поднятые вверх руки, на блестящие глаза, горящие жаждой знаний. Как же упоительно стоять у доски и нести эти знания.

— Всё верно, ребята, — вдохновенно говорила я.— Вампиры ослабли. Но это не значит, что отвоевать земли у них было легко. В жестоком, кровопролитном бою погибло сотни тысяч человек, прежде чем враги покинули большую землю и ушли жить на острова, создав отдельное государство Далер с одноимённой столицей. Все руководящие посты, которые ранее занимали вампиры, были отданы людям. Теперь людьми стал править не вампирский король, а великий триумвират и совет государственной безопасности. Именно они защищают наши границы от вторжения вампиров. Среди героев—

источников наиболее знаменита Ирина Новикова, Ольга Савушкина, Ключкова Ксения. Они смогли обезвредить самых опасных, самых могущественных вампиров. Давайте, ребята посмотрим документальный фильм, об этих смелых девушках.

Кто-то из парней задёрнул шторы, и класс погрузился во мрак, освещаемый лишь экраном телевизора. Дети ловили каждое слово, произносимое комментатором, некоторые девочки вытирали слезинки, слушая о том, как трудно приходилось героиням жить с вампирами и отдавать им свою кровь. Мой взгляд блуждал по тёмному кабинету, по растроганным лицам своих учеников, пока не наткнулся на пару холодных глаз. Два острых осколка льда впились в меня с такой ненавистью, что мне, на миг показалось, будто я ощущаю боль на физическом уровне, словно в мою кожу и впрямь, что— то вонзилось.

Вверх поднялась рука.

— Инга Анатольевна, — спросил Животков — А для чего нам сейчас— то делают эти прививки? Вампиров уже давно нет. Чего зря боль терпеть?

— Дурак ты, Живот, и не лечишься— накинuloсь на него несколько учеников.— А вдруг эти кровососы проникнут через стену или откроют портал?

— Так жучки же кругом, даже в квартирах , не говоря уж об общественных местах.

Я поняла, что спор ребят, пусть и греющий мне душу, при-

нимает опасный оборот, действия СГБ обсуждать строго запрещено.

– Ребята, – пришлось сказать мне. – Прививки делать надо, во– первых– это наша с вами безопасность, а во– вторых– это дань уважения, дань памяти тем, кто ввёл эту сыворотку впервые.

О том, что я входила в группу риска и не была привита, я, конечно же, умолчала. Об этом не распространяются. Несколько раз мне пытались ввести АВ сыворотку, но мой организм не желал её принимать. Ответом на данную медицинскую манипуляцию был анофелактический шок.

– Инга Анатольевна, – вверх взметнулась ещё одна рука. – А что за оружие использовали человеческие солдаты против вампиров, они умирали мгновенно или долго и мучительно ?

Ржавцев Никита в своём репертуаре, если фильм, то чтобы кровищи побольше, если книга, то исключительно про убийства, если дрался с кем то в школьном коридоре, то жестоко, доводя жертву до слёз. А последствием таких драк был вызов к директору и заявление в полицию со стороны родителей пострадавшего. Как бы директор не внушал, что все дети милые и пушистые зайчата, мне всегда хотелось находиться от Ржавцева как можно дальше. Неопрятный, с вечными синяками на лице, в помятой одежде и озлобленный на весь мир. Такому ничего не стоит встретить тебя в тёмной подворотне, , на что он неоднократно намекал, стоило поставить ему двойку или сделать замечание.

– Позвольте мне ответить на ваш вопрос, молодой человек, – раздался с последней парты голос моего гостя.

Мужчина поднялся и направился к доске.

Я смотрела на него, не скрывая досады. Ну кто его просил вмешиваться? Сидел бы спокойно в своём углу. Словно прочитав мои мысли, гость осклабился, и в глазах его мелькнуло что? Укор? Презрение?

– Меня зовут Алексей Ковалёв, я служил на границе...

В классе раздался одобрителный гул голосов. Я же подумала, что этого человека зовут как то по другому, ну уж точно не Алексей. Ему никак не подходило это имя, Да и стоять с ним рядом становилось всё невыносимее. Он давил на меня своим присутствием, он скручивал мою волю. Интуиция вопила об опасности всё громче, всё пронзительнее.

– Я здесь для того, – продолжал, тем временем, вещать незваный гость. – Чтобы рассказать вам об оружии, которое применялось против вампиров. Как вы уже знаете, враги больше всего на свете боятся багрова. Его мы добываем в глубоких багровых шахтах на севере материка. Так же, северная часть материка богата амгровыми болотами. Именно на основе амгры изготавливается анти-вампи́рская сыворотка. Ну и конечно, необходимо упомянуть о серебре. Серебро подавляет процессы регенерации, и враг становится таким же уязвимым, как и человек. Сейчас на наших границах всё спокойно, но мы не должны терять бдительность, и оружие, о котором я вам расскажу, с каждым годом совершен-

ствуется, становится более мощным. Разработана амгровая сеть, для поимки живых вампиров с воздуха, если однажды мы сможем засечь их на нашей территории. Так же для обезвреживания врага имеется О. Б. смесь. Она изготавливается из осиновой вытяжки и малой дозы багрога, имеет резкий аммиачный запах. Этой смесью заполняются болоны, напоминающие огнетушитель. Как ею пользоваться? Очень просто. Срывается чека, а раструб направляется в сторону врага. Масса попадает в цель, и образует петлю. И лишь она коснётся тела врага, тот становится неподвижным и падает, теряя при этом магическую силу. Ну, а ещё, человеческая оборонная промышленность может похвалиться ШСБГ – шаровидные следящие багровые граната . Солдат бросает её вверх, в след летящему вампиру, и та будет преследовать его на всём протяжении пути. А когда враг устанет и остановится, граната врежется в его тело и разорвет на куски. Но ведь у нас урок истории, правда, ребята? И по тому позвольте поведать то, о чём вы никогда не прочтёте в своих учебниках. Итак, в пять часов утра, наши войска проникли в дома, ничего неподозревающих вампиров. Человеческие солдаты распыляли из небольших пушек ПВ 19 багровый газ. Ослабленные вампиры падали на пол, корчась от боли. Так как багrog, попав в организм вампира, мгновенно вызывает отравление. Наступает паралич. Вампир теряет способность двигаться, но всё видит, слышит и осознаёт. Враги, как вы уже знаете, не могли призвать на помощь силы своей сти-

хии, и были беспомощны перед нами. Солдаты врываются в каждый дом, и после того, как вампир падает на пол, принимались ломать им кости серебряными топорами, чтобы враги не смогли регенерировать. Вампирские дети плакали, но доблестные солдаты были неумолимы. Плакали дети, но дети врагов. А чтобы взрослые, к концу своих жалких жизней, смогли прочувствовать то, что испытывали люди, когда у них забирали детей, солдаты, на глазах у подыхающих родителей, заливали в глотки маленьким кровососам смесь жидкого багрова и амгры. Эта смесь разрывала тела изнутри. Но, детишки, поверьте мне, те, кого человеческие солдаты, оставили жить, были готовы поменяться местами с умершими. В лабораториях, куда согнали всех пленных, над вампирами проводились жуткие опыты. Им отрезали пальцы серебряными скальпелями и давали немного человеческой крови, чтобы проверить, смогут ли твари регенерировать. Удаляли несколько внутренних органов, учёным было интересно посмотреть, как долго сможет прожить вампир без почки, печени, желудка. И всё это происходило, как вы, наверное, уже поняли, без всякой анестезии, ведь человеческим докторам было необходимо изучить болевой порог врагов. Уж слишком долго они были для нас загадкой, слишком часто пугали нас своей мощью и неуязвимостью. На врагов воздействовали светом, звуком, запахами, заставляли пить кровь друг друга. А порой, шутки ради, приводили к самому ослабленному вампиру привитого человека. Вампир, умирающий от

жажды, в ожогах, кровоточащих и гниющих язвах легко попадался на приманку, из последних сил, тянулся к привитому, кусал его, орал от боли и подыхал на месте. Но не все источники оказались честными и отважными. Среди них нашлось немало трусов и предателей, и только по этому некоторые вампиры смогли вступить в бой с солдатами и спастись.

Мужчина замолчал. Класс погрузился в давящую тишину. Было слышно, как гудят под потолком лампы, как уборщица прошла по коридору, звеня ведром. И эта тишина была гадкой, неприятной, словно вот- вот должно произойти что то непоправимое. Лицо Ковалёва походило на каменную маску, ни единой эмоции, лишь в прищуренных глазах таилась боль и злоба. Что же он натворил? Что же натворила я, приведя в класс этого человека? Дура, дура, тысячу раз дура! Для меня, факты, рассказанные Ковалёвым откровением не были. Мне, как историку, доводилось сталкиваться и с определёнными документами, и с мемуарами ветеранов. Но детям рассказывать такое строго запрещалось, в учебниках люди описывались, как абсолютное добро, а вражеская сторона, как абсолютное зло и никак иначе. За распространение лишних подробностей, преподавателю светила статья.

По моей спине побежали противные мурашки, когда я поняла, почувствовала то, что должно было сейчас произойти. И это произошло. В тишине класса раздался плач.

Лена Мугина, уткнувшись лицом в столешницу парты

всхлипывала. Подрагивали узкие плечи и белые косы.

– Ты чё, Муха! – удивлённо вскрикнул Животков. – Кро-вососов пожалела.

– Зачем? – Лена подняла на нас с гостем красное, опухшее от слёз лицо. – Зачем вы нам об этом рассказали? Это же зверство! Как можно так с живыми существами, пусть даже это враги!

Класс разделился на тех кто поддержал Лену и на тех, кто посчитал её слёзы дурными, ведь солдаты поступали правильно, так, как и следует поступать с врагами.

Я уже не вслушивалась в спор своих учеников, просто обречённо ждала звонка с урока. Дискуссией всё это не закончится, я это знала точно. Слухи о моём госте поползут по школе, об этом узнает директор, и я лишусь работы. Хотя, увольнение – не самый плохой исход всей этой истории. Самое страшное то, что меня могут вызвать в СГБ, где обвинят в сознательном разрушении идеалов, искажении исторических событий, и отправлюсь я по этапу в багровые шахты или амгровые болота, как решит суд.

Звонок на перемену прозвучал райской музыкой. Дети шумной гурьбой выскочили из класса, и я позволила себе тяжело опуститься за учительский стол и обхватить свою бедовую головушку руками. Духота класса, крики детей, доносящиеся из коридора, гудение ламп, всё это давило, раздражало.

Чья – то горячая, тяжёлая ладонь опустилась мне на пле-

чо. Я подняла глаза на стоящего рядом мужчину. Вот кто во всём виноват, вот кому я обязана дурным настроением и заставляющей паникой, вызванной, теперь уже, не его присутствием, а ожиданием не минуемого наказания.

– Зачем вы вылезли со своими откровениями? – прошипела я. – Это же дети. Их психика ещё не окрепла...

– Не окрепла для чего? – усмехнулся снежный барс.

Его ухмылка показалась издевательской, а в голосе звучала снисходительность, словно ему предстоит объяснить слабоумному ребёнку, о необходимости ношения штанов.

– Они с большим интересом слушали мой рассказ. И прошу заметить, Инга Анатольевна, из двадцати подростков, заплакала лишь одна девочка.

– Этого достаточно, чтобы меня с начала пригласили к директору, а потом и в контору СГБ.

– Так вы боитесь за себя любимую, – протянул Алексей. – Ай– ай– ай, как же вам не стыдно прикрываться учениками.

Моё раздражение достигло своего апогея. Довольно! С меня достаточно идиотского зубоскальства этого хлыща!

– Убирайтесь отсюда! – рявкнула я.

Но мерзавец продолжал стоять, словно испытывая моё терпение, хотя, кто знает, может так оно и было. Он стоял и смотрел. Улыбка с его физиономии исчезла, её место заняло сосредоточенное выражение. Он будто бы изучал меня, оценивал.

Наконец, спустя несколько долгих секунд, он тихо, будто

бы кого— то опасаясь, проговорил:

— Знаете, Инга, слёзы этой девочки сегодня стали для меня настоящей наградой. Как всё же отраднo осознать, что в людях осталось хоть немного сострадания, отвращения к жестокости. Признайтесь, и вам не слишком то понравился мой рассказ, и не только потому, что он повлечёт за собой некоторые последствия...

Я решительно поднялась с места, давая понять, что больше не желаю слушать его словесный понос. Пусть разглагольствует где ни— будь ещё, но не в моём присутствии.

Но, как утверждает народная мудрость, беда не приходит одна. Не успела я открыть дверь, чтобы выйти в коридор, как она сама распахнулась и, заполнив собой весь дверной проём, на пороге очутилась Артамонова Аврора Агафоновна. Любящая мать, гроза всех работников школы, от уборщицы до самого директора, рьяная активистка в родительском комитете, завсегдатая приёмной СГБ. Её жалоб, которые она строчила, наверное чаще, чем принимала душ и чистила зубы, боялся каждый.

Грудь, пугающе огромная, обтянутая малиновой тканью трикотажной старомодной кофты в катышках и кошачьей шерсти, тяжело вздымалась, идеально круглое лицо пылало праведным гневом.

Шумно выдохнув в мою сторону луковым выхлопом, дама заговорила:

— Я недовольна вашей работой, Инга Анатольевна! По ка-

кому праву вы занижаете моему ребёнку оценки? Мой Артём – умненький мальчик. Я, конечно понимаю, что вы – молодой специалист, и у вас не так много опыта. Именно по этому, ваше поведение сходило вам с рук...

– Ваш сын безобразно ведёт себя на занятиях, не выполняет домашних заданий, – начала я. Но куда там? Разъяренную мамашу несло. Она отрепетировала речь перед зеркалом и теперь решила высказать всё, сыграть роль до конца. Таким глубоко наплевать и на оценки, и на предмет, по которому не успевает их чадо. Целью этих мамаш является сам скандал, где они выходят победительницами. Да, она рассекает по городу в рваных колготках, моется раз в месяц и питается лишь дешёвыми макаронами, а пьяница – муж частенько поколачивает, как её саму, так и драгоценное чадо. Зато сколько радости получит несчастная женщина при виде испуганной учительницы, склонённой спины директора, предлагающего чаю. Ведь на вахте крупно, чёрным по белому написано: «Защитим детей от вольнодумства!». А чуть ниже: «Если вы сомневаетесь в благонадёжности учителя, звоните по телефону...» И мамыши звонили. Так как жизнь их не удалась, а почувствовать себя значимой хочется всем.

– Закройте рот и слушайте! Я сомневаюсь в вашей компетентности и считаю, что таким бестолковым куклам, как вы, не место в образовательном учреждении.

На плечи давила усталость, язык онемел и не только от неприкрытого хамства малиновой дамы, но и от нежелания

что— то доказывать. Уйти домой прямо сейчас, уволиться , навсегда забыть и школу, и детей и мамаш. Расстаться с красивой картинкой, которую я нарисовала себе в студенчестве.

Артамонова замолчала, то ли, набирая в лёгкие побольше воздуха для нового заплыва, то ли ожидая ответного удара. Ведь, что за война без противника? Кого давить? Кому она скажет своё коронное: « Закройте рот и не оправдывайтесь, меня ваш жалкий лепет не смягчит, я иду в приёмную СГБ»

Но здесь, дамочка просчиталась. В игру вступил Ковалёв.

— Мы вас слышали, — с нарочитым спокойствием произнёс он. — Но, хотелось бы, уточнить некоторые детали.

— Я говорю с Ингой Анатольевной. — попробовала сделать выпад Артамонова, но уже как— то вяло. Волны незнакомой, подавляющей волю энергии дотянулись и до неё.

— Итак, — продолжал снежный барс.— Имеете ли вы педагогическое образование по предмету история? Можете ли вы самостоятельно дать своему ребёнку нужную информацию?

Мамашка покачала головой, а в глазах промелькнуло удивление.

— Тогда, каким образом вы пришли к выводу, что Инга Анатольевна некомпетентна?

Артамонова, наводящая страх на всю школу, беспомощно хлопала глазами, прикусывала нижнюю губу, и было заметно, что она нервничает. Ещё бы, впервые за всё то время, что её сын учился в школе, она получила отпор.

— Мы ждём, уважаемая, — с нажимом произнёс Ковалёв.

– Чего ждёте? – мамаша постаралась взять себя в руки.

– Как чего? Извинений, конечно, – солнечная улыбка снежного барса заставила даму вспотеть.

Она поспешно открыла сумочку, достала огромный клетчатый носовой платок и принялась вытирать лицо.

– Я не собираюсь извиняться перед этой...

– Перед этой самоотверженной, стойкой молодой женщиной, которая день изо дня заходит в класс, чтобы передать опыт и знания предшествующих поколений человечества. Которая вынуждена терпеть хамство со стороны глупых, невоспитанных несмышлёнышей, чтобы сделать из них настоящих людей, интересных, эрудированных, грамотных.

– Она получает зарплату, – взвизгнула Артамонова, не выдержав напора противника.

– Да, жалкие гроши, которые она тратит на еду, одежду и дорогу до школы, чтобы учить вашего умненького Артёмку. Так, что, я жду извинений.

– Да что вы ко мне прицепились? Да кто вы такой?!

Страх завладел Артомоновой, но идти у него на поводу она не собиралась. Кошмар школы в грязь лицом падать не желал, репутация превыше всего.

– Тогда мне придётся вас проучить.

Артамонова побледнела, задышала чаще, дрожащими пальцами ухватила за косяк двери. В глазах отразилась боль.

Смотреть на происходящее было жутко. Творилось нечто

необъяснимое, страшное, ни как не вписывающееся в рамки реальности. Мне хотелось закричать, остановить этого странного мужчину, но я не могла. Та гадкая часть, которая живёт, почти в каждом человеке, заставляла заврожено наблюдать за действием. С таким же нездоровым интересом мальчишки наблюдают за похоронным процессом, а толпа зевак собирается на месте аварии.

– Прекратите, – прохрипела Артамонова.

– Прекращу, если вы скажете, как пишется ваше любимое слово компетентность. Давайте по слогам.

– Кам пи тен тность.

– Не правильно, уважаемая. Попробуем ещё раз.

Женщина согнулась пополам, жадно хватая ртом воздух. Из носа тоненькой ниточкой потекла кровь. Красная полоска на белой коже.

– Кам пе тен тность.

– И вновь ошиблись.

Губы Артомоновой посинели, на лбу выступили бисеринки пота, а тело тряслось в ознобе. Зубы отстукивали дробь. Я поймала себя на том, что мне совершенно не жаль эту женщину. Низко и подло наблюдать за тем, как человек корчится от боли, унижается, чтобы получить облегчение. Но как ещё достучаться до того, чьё сердце превратилось в кусок камня, чьи мысли сосредоточены на том, чтобы настроить очередную клязу. Не даром, некоторые мамыши шлёпают раскапризничавшихся детей, когда уговоры игнорируются, а

строгий тон больше не действует. Как ещё показать, что терпение лопнуло, что ребёнок перешёл все возможные границы. Вот и воспитательная работа Ковалёва пусть послужит неким шлепком для Артамоновой.

– Пожалуйста.

По бледному лицу женщины катились крупные слёзы. Она оседала, вновь и вновь произнося слово, которое, скорее всего, успела возненавидеть. А в коридоре текла обычная жизнь, словно никто не замечал происходящего. Но, почему– то меня этот факт не удивил, наверное устала удивляться.

– Компетентность, – наконец проговорила обессиленная дама, и снежный барс милостиво разрешил ей отправится домой.

Воцарившаяся тишина в коридоре дала понять, что перемена закончилась, и с минуты на минуту в класс войдёт очередная толпа учеников.

– Пожалуйста, уходите, – устало прошептала я Ковалёву, стараясь не глядеть в его сторону.

– Когда мы встретимся?

Этот вопрос вызвал приступ головной боли. Нет, никаких встреч, никаких частных уроков. Если этот человек не уйдёт немедленно, я сорвусь, лягу на пол и начну царапать ногтями линолеум.

– Алексей, – постаралась я заговорить как можно мягче. – У меня из за вас будут проблемы. К инциденту на уроке ещё

добавится и жалоба Артамоновой. Она не простит мне подобного унижения.

– Не простит, – согласился Ковалёв. – Да и проблемы из-за того, что произошло сегодня на уроке вполне могут возникнуть.

Руки мужчины легли на мои плечи, обжигая через ткань свитера.

– Но только вам, Инга, больше не нужно об этом беспокоиться.

Алексей ушёл, оставляя после себя странный запах своей туалетной воды и ощущение перемен.

Глава 2

Ученики разошлись по домам, и мы с Наташей могли спокойно поговорить за чашечкой кофе. По кабинету разносился приятный кофейный аромат, за окном всё так же валил снег, клён покачивал голыми ветвями. В коридоре то и дело раздавались чьи то шаги, Наташа рассеяно болтала ложкой в своём стакане. Всё как всегда, привычная, мирная картина, но на душе моей было беспокойно. От волнения, от ожидания чего то плохого, слегка подташнивало, руки и колени мелко подрагивали. Нет, в таком состоянии домой мне было никак нельзя. От кофе я отказалась, и без того нервы напределе, и по этому пила уже четвёртую кружку мятного чая.

– Может быть, всё обойдётся, – попыталась успокоить меня Наташа. – Мало ли, что говорят дети, ведь доказательств никаких нет. А истеричке– Артамоновой вообще ве-

ритель нельзя, у неё же с головой проблемы.

Она и сама не верила собственным словам.

– Я знала, что нельзя было приглашать в класс этого типа. Чёкнутый! Понимаю, что военных обучают всяким штучкам, виде гипноза, но зачем это испытывать на мирном населении?

Усталость накрыла с головой, захотелось просто забиться в самый дальний и тёмный угол, закрыть глаза и погрузиться в спасительный сон, желательно без сновидений.

– Да уж, – невесело усмехнулась Наташа. – А ведь такой мужик классный. Вот уж я бы ему математику преподала!

Подруга мечтательно закатила глаза. Щёки её вспыхнули, а губы расплзлись в предвкушающей улыбке.

Я рассмеялась. Кому чего, а Наташке -мужика.

– Наташка! – включила я строгую учительницу. – Не забывай, что у тебя есть дети и муж.

Подруга пренебрежительно махнула рукой

– Муж объелся груш и обосрался. На его брюшко и лысенку смотреть уже невозможно. А этот блондин – настоящий самец, пугающий, властный. Уж куда моему Костику и твоему Валерику. Кстати, что у тебя с ним?

Тема моей личной жизни была не самой приятной, но чтобы отвлечься от мрачных мыслей, я была готова поговорить и о Валерке.

– Не отвечает, ни на мобильный, ни на домашний. Всё продолжает на меня злиться.

С Валерием мы поссорились в прошлую субботу по телефону. Обозвав меня фригидной дурой, он бросил трубку. Я, какое то время, слушала короткие гудки, рассеянным взглядом окидывая собственную комнату, а потом, всё же, решилась набрать его номер. Но абонент был недоступен, каким оставался и по сей день. Моя комната показалась мне тюрьмой. Мягкие игрушки, сидящие на полке, словно смеялись надо мной: «Ребёнок ты ещё, Инга, взрослые отношения тебе не по зубам». Несколько раз в комнату заглядывала бабушка, о чём то спрашивала, а я что то отвечала. Выходные были испорчены.

– Сама виновата, – заявила Наташа. – Довела мужика. Да дай ты ему в конце то концов, может быть и отношения ваши станут более стабильными. Ну чего ты теряешь?

– Себя, – ответила я. – Ну не могу я. Вот как представляю, что он ко мне прикасается, так прямо гусиной кожей покрываюсь. А пересиливать себя – значит лгать Валере.

– Ну и пошли его тогда. Не издевайся над парнем.

Я уже несколько раз задумывалась над этим. Порвать с Валерием окончательно, не изводить ни его, ни себя, но что -то останавливало. Я даже догадывалась, что именно не даёт мне поставить точку в этих детских, неровных, а в последнее время, тяготящих отношениях. Я боялась остаться одной. Все мои подруги уже вышли замуж, кто -то, как Наташа, обзавёлся детьми, ведь они время не теряли. Уже с девятого класса девчонки интересовались парнями, бегали на

дискотеки, заводили ни к чему не обязывающие романы. В студенчестве многие ставили перед собой задачи выйти замуж и выходили. Да, молодым парам приходилось нелегко, не хватало денег, не хватало времени на учёбу, кто-то жил на съёмной квартире, кто-то с родителями жены или мужа, и в таких случаях, конфликты отцов и детей становились неотъемлемой частью семейной жизни. Я же, потрясений не желала, хотя порой смотрела с завистью на очередную невесту в белом платье, с счастливой улыбкой на лице, хотя и мечтала, что тоже когда-нибудь буду приглашать гостей на, приготовленные мной, пирожки. У ног будет тереться кот, а рядом сидеть человек, самый важный, самый любимый. Но мне нужно было хорошо учиться и не отвлекаться на глупости, как говорила моя бабушка. В школе, чтобы получить золотую медаль, в институте, чтобы получить красный диплом. Не для себя, для бабушки— единственного родного человека, который у меня был. Отца я не знала никогда, а маменька, укатила на другой конец материка вслед за каким-то актёром. Обуза в виде трёхлетней девчонки была ей не нужна. Какое-то время, маменька присылала мне подарки ко дню рождения и к празднику возрождения человечества, отправляла открытки, но, спустя несколько лет, мама замолчала окончательно. Мы жили вдвоём с бабушкой, и я, испытывая к ней глубокую благодарность и уважение, старалась не огорчать и всегда слушаться. Если бабушка считала, что на дискотеки и всякие там вечеринки ходят только легкомыс-

ленные и пустоголовые особы, я отказывалась от приглашений на подобные мероприятия. Только не надо думать, что меня тянуло в море огней и танцующих тел, мне было хорошо с бабушкой, мы пекли булочки, разговаривали обо всём на свете, ходили в театр, в музеи, устраивали пикники за городом.

Любое моё действие, противоречащее бабушкиным убеждениям, расценивалось мной, как предательство. Может быть, и с Валерием у меня ничего не выходило, ведь секс до брака бабушка считала недопустимым. Но об этом я Наташке говорить не стала, засмеёт.

– А может тебе попробовать очаровать того белобрысого ? – не унималась подруга.

– Ну уж нет! – рявкнула я. – К тому же, я сказала ему, чтобы он нашёл другого преподавателя, и без него проблем в жизни хватает.

– Ну и дура!

Наташка порывисто соскочила со своего стула.

– У меня в любом случае нет никаких шансов. Какой он, а какая я. Да и боюсь я его ужасно.

– Вдвойне дура! Вот от такого, как этот Ковалёв, у тебя точно никакой гусиной кожи не будет. Тебе именно такой мужчина и нужен. Ты пойми, Инга, бабушка не вечная. И когда она уйдёт к властителю вселенной, ты останешься одна! Подружки, коллеги – это всё не то. У них свои семьи, свои проблемы. Ученики – чужие дети, они никогда не смогут за-

менить тебе своих собственных. Тьфу! Чего я тут с тобой время трачу, мне же Серёжку из садика забирать надо. Иди одевайся, на вахте встречаемся. Кстати, нас Анька сегодня к себе ждёт, ты не забыла?

– Нет, конечно, – улыбнулась я Наташке и вышла в коридор.

Да, подруга права. Ни кто не придёт и не принесёт мне счастье на блюдечке. Нужно меняться и что -то менять . Если секс сблизит нас с Валерой, если наши отношения станут такими, какими они были год назад, я позволю ему то, чего он хочет, вопреки убеждениям бабушки, вопреки своим неприятным ощущениям. А сейчас, домой и к Аньке на день рождения, хотя бабушка опять будет ворчать, что на улицах темно, а я буду возвращаться одна. Ну ничего, переживём.

Но сбежать с работы пораньше мне не дали, в коридоре меня перехватила психолог Эльза Львовна.

– Ах, Инга Анатольевна, – ласково пропела она. – Где же вы ходите, дорогая, вас в учительской все ждут, пойдёмте скорее.

Я обречённо поплелась за ней, не без зависти вдыхая запах её дорогих духов, и глядя на белую кружевную кофточку, скорее всего, Эвильского производства. У нас такие чудеса не творят.

Войдя в учительскую, я тут же поняла причину собрания и вздохнула с облегчением, как потом выяснилось, преждевременно. Значит, об инциденте с Артамоновой и открове-

ниях снежного барса пока никто не знает. Просто очередное собрание, просто обсуждение рабочих моментов. Да, к Аньке я, конечно, опоздаю, но это не так уж и страшно.

Раиса Константиновна – наша завуч собрала лишь преподавателей гуманитарных предметов, физиков и математиков. Моя часть миновала, как всегда. Ох, наказывала мне бабушка учить химию, да не послушала я её, в истории подалась.

– Все в сборе, наконец, – процедила сквозь зубы завуч, укоризненно кивая в мою сторону, от чего, её очки в потёртой коричневой оправе, съехали на нос.

Раиса Константиновна усадила их на место указательным пальцем и продолжила:

– Скоро праздник Возрождения человечества, уважаемые коллеги. И к празднику нужно поставить спектакль.

Учителя тут же недовольно загалдели, мне же захотелось стать невидимкой. Нет, только меня не трогайте. Я безответственная, не умею держать класс, молодая и неопытная. Я какая угодно, говорите что хотите, но только не школьный театр!

– Меня не привлекать! – голосила Надежда Владиславовна – учитель языка и литературы. – Я занималась этим в прошлом году.

– И я не стану, – затрясла седой головой географичка. – Я – не молоденькая девочка, чтобы не рвы трепать.

– Да и по выходным нет особой радости на работу мотаться, – подхватила учитель музыки Лидия Дмитриевна, при-

глаживая ладонями и без того прилизанную причёску.

У каждой нашлись причины не связываться с театром. Кто-то болел, у кого— то дети требуют внимания, кому— то муж не разрешает бегать в школу по выходным, а у кого столько заслуг перед школой, что навязывать постановку такой самоотверженной личности — просто грех.

С портретов, неизменно висящих в учительской, на всё это с немым укором глядели члены правящего триумvirата, нашего премного уважаемого и горячо любимого, контролирующего и управляющего всеми сферами жизни страны. Господин Зеленухин, господин Синявский и господин Желтенко — опора и мощь человеческого государства. «Идеология, порядок и безопасность — три кита благополучия нашей страны!»— гласила надпись под портретами.

— Надо дать дорогу молодым, — зазвенел голос психолога. — Нельзя, чтобы начинающий учитель оставался в тени. Новичок должен побороть свою робость, стать заметнее. А что мы делаем? Потворствуем его комплексам, милые коллеги.

Вот сейчас я пожалела, что рядом нет Ковалёва. С каким бы удовольствием я бы посмотрела, как бледнеет лицо милой Эльзочки, как из ноздри капает кровь, в аккурат на Эвильскую кофточку. За что эта красотка так меня невзлюбила? Взгляды коллег обратились ко мне. Злорадные улыбки, облегчённые вздохи.

— Нет, — забормотала я. — Я не справлюсь, у меня не получится. У меня на уроках то шумно. Меня никто слушать

не будет.

Признайте же, что я полный ноль, дура из дур! Пять минут позора, но зато меня минует это опасное испытание. Лучше прослыть мямлей и трусихой, чем повторить участь Валентины Ивановны. Бедная Валентина Ивановна— учитель рисования. Над ней смеялись как коллеги, так и дети едва ли реже, чем надо мной. Она была чудачкой, добродушной, простой тётенькой неопределённого возраста. Высокая, сухонькая с пепельным пучком на голове. Она обожала собак и о своём пуделе Буке могла рассказывать часами, переводя любой разговор на собачью тему. От неё всегда пахло псиной, а в сумке, неизменно, лежали кости для бездомных собачек, которых она таскала к себе домой, мыла, откармливала, лечила, а потом пыталась пристроить в надёжные руки. Именно эта добрая женщина объяснила нам с Наташкой все тонкости учительских будней, и как журнал оформлять, и как программу составлять, и как писать планы уроков. Но дружба наша длилась недолго. Ко дню учителя требовалось поставить спектакль, и Валентина взялась за это неблагодарное дело. Плодом её труда оказалось жалкое зрелище под названием «Змей Горыныч». Директор и завуч недовольно хмурили брови, коллеги ехидно и удовлетворённо ухмылялись, глядя на то, как юные артисты что— то нечленораздельно мямлят, уткнувшись в помятые бумажки. И школа забыла бы об этом бездарном спектакле, и без него проблем и забот у всех хватло. Но Артамонова решила проявить бди-

тельность. В том убожестве, что творилось на сцене, ей удалось разглядеть завуалированный, анти-режимный смысл. Мол, образ богатыря, ни что иное, как прототип вампира, а змей— олицетворение СГБ. На беду Валентины, костюма Горыныча в школе не нашлось. Был пират, был дед Мороз, а вот трёхголового змея, не было и всё тут. Так что пришлось мастерить его самим артистам из подручных материалов. И, как на грех, смастерили детишки головы злобного чудища из синего, зелёного и жёлтого чулка.

За Валентиной пришли неожиданно, забрали прямо на перемене. Все, от завуча до первоклашек смотрели, как несчастную женщину уводят рослые угрюмые мужчины в мешковатых кожаных плащах грязно— зелёного цвета и таких же зелёных кепках.

Всем было страшно, и каждый, жалея непутёвую Валентину, в глубине души, радовался, что это не его ведут к выходу строгие, угрожающего вида люди, что не в его кожу вопьются железные браслеты.

— Инга Анатольевна, нужно бороться со своими страхами, — завуч вновь поправила свои очки. — Необходимо тренировать в себе организаторские способности.

— Да и вы — человек не семейный, — психолог сложила губы уточкой, похлопала длинными ресничками. — Чем вам заниматься?

Да уж, права Наташка, нужно немедленно устраивать свою личную жизнь, а то, до самой смерти будут делать из

меня козла отпущения.

– Да– да, – обрадовано загомонили коллеги. – Смелее Инга!

Ну конечно, спихнули на меня это бремя, теперь и участие проявить можно, мы же такие добренькие, всегда поддержим, подбодрим.

– Возьмите что-нибудь патриотическое, – советовала учитель музыки. – Например «Мы больше не источники» или «Пусть прольётся кровь вампира».

Что же ты сама отказалась ставить эти великие пьесы, раз такая умная? Сегодняшнее унижение Артомонова мне не простит и обязательно, ну как же без её присутствия, явится на спектакль. А что её величеству придёт в голову, какой тайный смысл она отыщет, лишь Властителю вселенной ведомо? Ко всему этому, мне предстоит организовывать репетиции, обзванивать детей, за свой счёт между прочем, а, иногда, просить коллег, чтобы те отпустили ребят с урока на репетицию.

– Ой нет, и даже не просите, – будут отвечать мне те, кто сейчас сидит и подбадривают меня, дают советы и радуются, что нашлась дурочка, которой можно скормить что угодно, и она проглотит. – У нас сегодня очень сложная тема.

И мне придётся отлавливать детей на вахте, чтобы они не сбежали домой, тащится в школу в выходной день, просиживать в актовом зале, отчётливо понимая, что никто не придёт.

– Только умоляю вас, милочка, никаких разноцветных чулок, – поставила точку завуч, и все подобострастно захихикали.

Ну всё, от постановке спектакля мне не отвертеться. Сегодня, однозначно, не мой день.

Глава 3

В комнате было душно. Я лениво ковырялась в тарелке с салатом, уже не вслушиваясь в разговоры подруг. По квартире носились дети, Наташкин пятилетний Серёжа, Анькина двухлетняя Юля и Маринкин годовалый Стёпа.

Духота и детский визг начинали раздражать. Мои попытки открыть окно или хотя бы форточку потерпели фиаско. Мамашки в один голос заверещали, что на улице холодно, а дети вспотели и могут простыть на сквозняке. Вечер, которого я с нетерпением ожидала всю неделю, оказался ужасно скучным. Я думала, что мы с девчонками посидим, выпьем вина, посмеёмся, вспомним студенчество, однокурсников, преподавателей. Но сегодня был день неприятностей и разочарований. Посиделки бывших однокурсниц оказались ни весёлым девичником, а форумом на тему «Мать и дитя».

– Если Серёжа простывает, – говорила Наташа. – Я лечу его мёдом и молоком, ложку мёда на стакан молока перед сном, и знаете, девочки, никаких лекарств не надо. На следующее утро он, как огурчик, бодрый, весёлый, ни кашля, ни насморка.

– Да ты что? – вскрикивала Маринка, театрально хватаясь

тоненькими, словно веточки, руками за свою аккуратную головку с мелкими белыми кудряшками. – Какой мёд? Нужно сразу врача вызывать, делать анализ крови. А вдруг это менингит?

– Да тятун тебе на язык, Маринка!

Обе женщины в негодовании взглянули на подругу.

Иногда разговор однокурсниц прерывался на то, чтобы сделать замечание своему ребёнку.

– Серёжа, отдай Стёпе машинку, он маленький, а ты уже взрослый мальчик!

– Стёпа, сикать не хочешь? Ой, девчонки, прямо не знаю, как его к горшку приучить.

– Юля, не валяйся на полу, пол холодный.

Находиться среди счастливых мамаш становилось, с каждой минутой всё невыносимее. Мои поползновения переключить их разговоры на что– то другое успехом не увенчались. Подружки меня словно не замечали. В этом, конечно был и свой, пусть и маленький, плюс. Я могла беспрепятственно чесать свою ногу.

Стены в бежевых обоях, цветы на подоконнике, круглая люстра, стол со всевозможной снедью, всё это давило, хотелось на воздух, на тёмную морозную улицу, а ещё лучше, к себе домой. Вот приду, закроюсь в своей комнате, лягу на тахту с книжкой и буду представлять себя на месте главной героини. И пусть бабушка ворчит, что любовные романы – это пошлость и безвкусица. Для меня это уход от скучной

унылой реальности, от проблем, от вот таких дурацких, бес-
толковых дней.

Но прежде чем окунаться в мир розовых грёз, нужно
немного побороться за счастье в реальной жизни.

Я решительно встала из-за стола и отправилась в прихо-
жую, чтобы взять из сумочки телефон.

В трубке раздались протяжные гудки. Я посчитала это
добрым знаком, по крайней мере, Валерик вновь доступен.

– Да, – послышался на том конце мужской голос.

Все заготовленные слова куда -то пропали, остались лишь
разрозненные мысли, которые никак не желали собираться
воедино. С чего начать? Что сказать? О чём спросить?

– Инга, чего тебе? – в голосе Валерия зазвенела сталь. Но
вот только меня уже сталью не напугаешь, после сегодняш-
ней встречи с белым барсом. Вот дура! С чего это вдруг я о
нём вспомнила?

– Валера, привет.

Фу! Как жалко звучит мой голос. Да и что я ему прямо
сейчас предлагать себя стану? Вот здесь, в этой прихожей,
на фоне пронзительного детского визга и смеха подруг?

– Я бы хотела встретиться.

– Соскучилась что ли?

Теперь из трубки сочился яд. Какими же ядовитыми мо-
гут стать всего лишь несколько слов. Возникло желание
бросить трубку и больше никогда не набирать этот номер.
Но нет, нужно сдержаться, если я не хочу вновь ходить по

школьным коридорам, словно зомби, если не хочу в подавленном настроении вернуться к подругам и тихо ненавидеть их за то, что они счастливы, а я нет.

– Соскучилась, Валер.

Лгунья! Да не скучала я по нему ни чуть! Было неприятно ощущать себя брошенной, одинокой, никому, кроме бабушки не нужной. Было страшно осознавать, что я упустила свой шанс на счастье, понимать, что я не такая как все нормальные женщины, у которых есть мужья и дети. Но вот чего не было совершенно, так это тоски по Валерке.

– И куда ты меня вновь собираешься тащить? На выставку кукол или в музей часов?

Теперь из трубки сочился ни яд, а жидкий багрог, способный убить тысячу вампиров за раз.

Только бы не расплакаться, только бы сдержаться, только бы набраться сил, чтобы произнести эти слова. Сейчас или никогда.

– Я думаю, что встретиться лучше у тебя.

Я это сказала! Я сделала всё, что могла. Теперь решение за ним.

– Хорошо, завтра суббота, и я не занят. Приходи к девяти вечера.

Голос на том конце провода потеплел, смягчился, а у меня отлегло от сердца.

Я не стала возражать, не стала уверять Валеру в том, что девять вечера – слишком позднее время для свидания, а по-

прощалась с ним, как можно беспечнее, словно мне ничего не стоит прийти к нему хоть вечером, хоть ночью и отсоединилась. С бабушкой разберусь как-нибудь.

Напрасно я думала, что после разговора с Валериком мне будет легче вернуться за стол к подругам. Теперь мне непреодолимо хотелось домой,лизать ожоги, оставленные ядовитыми словами Валерия, подумать, что сказать бабушке.

Поблагодарив Аньку за тёплый приём и богатый стол, я покинула душную квартиру, оставив за спиной девчонок с их детьми. Сердце слегка кольнула обида на подружек. Ни одна из них не попросила остаться, ни одна не выразила опасение, что я могу наткнуться на того самого маньяка, что без меня им будет скучно. Я им была не нужна. Своё дежурное «Пока», девчонки бросили мне как– то небрежно, мимоходом, желая поскорее отделаться от моей персоны, чтобы вновь вернуться к такому интересному разговору о хороших и плохих педиатрах.

Во всём подъезде было темно. Наверное, кто -то вновь выкрутил лампочки. От понимания того, что сейчас мне придётся на ощупь спускаться с пятого на первый этаж, меня передёрнуло. Мало ли кто затаился на лестничных площадках и сейчас караулит наивную жертву, чтобы оглушить её по голове чем – то тяжёлым и ограбить.

Я стояла в темноте, не в силах сделать шаг. Вот кто меня гнал? Ну, посидела бы с девчонками, ну послушала бы о соплях и кашках, ничего бы со мной не случилось. А сей-

час, если вернусь, поднимут на смех. Да и подружки мои – дамы самостоятельные, свободные. Как надоест им болтать, позвонят своим благоверным, те примчатся за ними. А я так не могу. Если время перевалит за девять вечера, бабушка начнёт бомбардировать меня звонками, требуя вернуться домой, названивать Наташе, чтобы та меня проводила. Вечер девочек будет подпорчен моими проблемами, а я удостоюсь множеством безобидных, на взгляд подруг, подколов.

Не плачь, Инга! На морозе плакать вредно, испортится кожа лица.

Но плакать хотелось, от страха, от безысходности, от ощущения собственной несвободы. Ну, какую девушку в двадцать два года будут одолевать подобные мысли, о тревожащихся бабушках и об обязательной явке домой не позже восьми? Иногда, родительская любовь и забота приносят не только благо, но и ставят вот в такое дурацкое положение. Бабушке нужно, чтобы я вернулась не позже восьми, а как я это сделаю, похоже, её мало волнует.

– Не бойтесь, Инга, – раздался за спиной знакомый голос, такой же тёмный, бархатный, густой и обволакивающий, как окружающий меня мрак. Словно он был частью этой тьмы.

– Вы меня преследуете? – обречённо проговорила я.

Вместо того, чтобы начать оправдываться, мол, у меня здесь дела, к знакомому заходил, снежный барс ответил то, чего я никак не ожидала услышать:

– Я вас оберегаю.

И эта фраза прозвучала так, будто бы оберегать меня входило в его прямые обязанности, словно он выполнял работу, пусть не такую приятную, но хорошо оплачиваемую.

— Не припомню, чтобы нанимала телохранителя, — огрызнулась я, тут же прикусив язык. Ну, ни дура ли? Сама стою в тёмном подъезде, потерянная и напуганная, но грублю человеку, который предлагает мне свою помощь. А помощь ли? Может быть, он и есть тот самый маньяк, о котором недавно писали в газетах?

— Ну конечно не просили, — усмехнулся снежный барс. — Мне этого и не требуется.

По спине пробежал противный холодок, мысли заметались. Кого звать на помощь? Что кричать? А может быть попробовать убежать? Только, далеко ли я убегу в тёмном подъезде, по крутым ступенькам вот от такого бугая?

— Пожар! — заорала я, что есть мочи.

Холодный воздух обжёг горло, дыхание перехватило, и крикнуть вновь, у меня уже не получилось, так как, мне пришлось надсадно закашляться. Перед глазами заплясали красные всполохи. Я кашляла, согнувшись пополам, вытирая, выступившие слёзы шерстяной рукавицей. Ну что за день такой сегодня?

— Прекратите валять дурака! — холодно произнёс мужчина. — Идёмте, я провожу вас домой, на улице темно, скользко и далеко не безопасно, и о чём вы думали, отправляясь одна?

Он взял меня под локоть, и мы вышли из подъезда.

Скудный свет уличных фонарей едва рассеивал сгустившуюся тьму. Мимо пролетали машины, куда-то шли люди, скрепя каблуками сапог, призывно светились витрины магазинов, а мы молча шли.

Когда-то, еще, будучи студенткой, я мечтала, что буду идти по городским улицам под руку с красивым парнем. Ну что ж, сбылась мечта идиота. Вот я, вот вечерняя улица, а вот и парень. Чего тебе, Инга не хватает? Холодный колючий ветер проникал под одежду, пронизывал, мороз покусывал щёки, от некачественного вина или от резкой смены температуры начинала побаливать голова. Чувство неловкости, которое, скорее всего, испытывала только я нарастало с каждой минутой. Мы два совершенно незнакомых человека шли рядом, рука об руку и молчали, что может быть глупее? Я украдкой разглядывала своего спутника. Он, на удивление, одет был довольно просто, хотя военные, пусть даже бывшие, имели хороший достаток и могли не скупиться на одежду. Этот же, оделся так, словно хотел выглядеть, как можно незаметнее, не привлекая внимания. Чёрная куртка, такие же чёрные брюки, вот только шапки на голове не было. И не холодно ему в такой мороз? Лицо мужчины ничего не выражало, ни одной мысли, ни одного чувства, словно он не хотел отвлекать себя думами. В моей же голове продолжал звенеть голос Валерия. В субботу! Мы встретимся в субботу! Каким будет этот день? Смогу ли я пересилить своё отвращение к прикосновениям мужских волосатых рук, пахнущих

табаком и рыбой губ, насколько мне будет больно, когда он войдёт в меня?

— Инга, — начал снежный барс. — Я бы хотел извиниться за то, что произошло сегодня на вашем уроке. Мне следовало иметь в виду, что передо мной сидят дети, а не солдаты. Но мы -военные бываем порой слишком чёрствыми.

Мне редко кто приносил свои извинения, обычно люди, обидевшие меня, считали себя правыми, и в итоге, просить прощения приходилось мне, так уж повелось с раннего детства. И что я могла теперь ответить? Ну, вот не умею я принимать извинения с достоинством, так, чтобы всё обратить в шутку, или в дружескую беседу.

Дома со множеством горящих окон, машины, фонари, снег. За что зацепиться? Как продолжить разговор? Наташка бы давно уже раскрутила парня на ресторан или кафе, в качестве компенсации и, таким образом, приобрела ещё одного знакомого в свою «копилку нужных людей». А я? Я ничего не умею, ни дисциплину в классе поддерживать, ни с мужчинами разговаривать, ни отстаивать свои права. Жалкое, слабое никчёмное существо.

Анька жила неподалёку, и мы уже почти подошли к моему дому. Со двора доносились крики мальчишек, играющих в хоккей.

Мы остановились, мужчина повернулся ко мне, и его зелёные глаза оценивающе просканировали меня. Затем, кивнув своим мыслям, он взял меня за руку. Сквозь колючую

шерсть рукавицы, я почувствовала тепло его ладони, приятное, успокаивающее, расслабляющее.

– Вы чем-то расстроены? Может быть, я смогу как-то помочь?

Мимо прошла соседка, ведя за поводок свою лохматую рыжую псину, которая в свете тусклых фонарей, казалась грязно-зелёной. В булочной, через дорогу, погас свет. Мне нестерпимо захотелось снять дурацкую рукавицу, чтобы ничего не мешало ощущать прикосновение этого человека, чтобы в полной мере прочувствовать, как тепло его кожи мелкими иголочками пронзает мою ладонь, как с током крови бежит к предплечью, потом по плечу, как поднимается к груди, а оттуда распространяется по всему телу, сладко пульсируя. Голова слегка кружилась, тело моё дрожало, но не от холода, а от непреодолимого желания каждой клеточкой прикоснуться к этому странному человеку, раствориться в нём, стать им.

А он, тем временем, что-то говорил, я отчётливо слышала каждое слово, но никак не могла уловить смысл сказанного.

– Если вы по каким-то причинам не желаете давать мне частные уроки, я попробую найти другого преподавателя, но ведь это не означает, что мы не можем подружиться, правда? Давайте встретимся завтра и куда-нибудь сходим. Вы любите кино? Или мы просто можем посидеть в кафе, как вы на это смотрите?

Сейчас для меня звенели ручьи, пели птицы, шумела мо-

лодая зелёная листва, а с неба щедрым потоком лился солнечный свет.

Я почти не дышала, боясь пошевелиться, боясь спугнуть это чудесное ощущение.

Всё вокруг исчезло, были только я и он, его горячая рука, его зелёные пронзительные глаза и дурманящий запах его туалетной воды, свежий, с нотками цитруса и ментола.

– Инга! – раздался голос бабушки. – Уже так поздно, я решила тебя встретить.

Мир, где царили лишь я и снежный барс, разбился на осколки, и тут же склеился, собрался в грубую, неприглядную и привычную картинку. Тёмная улица, снег, фонари, голые деревья и взгляд бабушки, полный тревоги.

Пора что-то отвечать, а то решит, что я полная дура, меня на свидание приглашают, а я молчу, словно воды в рот набрала, да и не вежливо это.

– Спасибо, Алексей, за приглашение, но у меня совершенно нет времени, нужно готовится к урокам.

Я постаралась улыбнуться как можно мягче и взяла бабушку под руку, уловив в её взгляде одобрение.

Ковалёв сухо попрощался с нами, пожелав спокойной ночи, зашагал в темноту. Я едва удержалась от того, чтобы не броситься вдогонку за ним с криком: «Вернись! Ты же обещал! Ты же звал меня с собой! Куда же ты уходишь?» В сердцах я со всей силы пнула какую-то железную банку, лежащую на земле и тускло блестевшую в свете фонарей.

Я досадовала на себя за свою нерешительность, досадовала на бабушку, за то, что она появилась в неподходящий момент. Отключили моё персональное солнце, весну, тепло, и вновь вернулся ненавистный унылый ноябрь с пронизывающим ветром, колючим морозом и тоской, от которой хочется, по—собачьи, выть.

Нам нравилось сидеть на кухне и чаёвничать. Каждая из нас ценила эти минуты тишины и покоя. Бормотало радио, гудел холодильник, а мы с бабушкой сидели напротив друг друга, иногда разговаривали, а иногда молчали. Но молчание не было тягостным. Каждая думала о чём-то своём, ведь с родным человеком приятно не только делиться радостями и горестями, но и молчать.

Но сегодняшнее чаепитие умиротворения не приносило. Придя в себя от странного наваждения, я вспомнила слова белобрысого. Неужели я и впрямь могла заинтересовать Ковалёва? Что ему от меня нужно? Вопросы множились, роились, закручивались в пёстрый разноцветный клубок, распутать который не представлялось никакой возможности. От очередной мысли, пришедшей мне в голову, перехватило дыхание. Я чуть было не дала согласие непонятно на что! А всё из за какого то прикосновения к руке. Ну, ни дура ли? Нет, нужно обязательно встретиться с Валеркой, и пусть у нас всё произойдёт, как и должно произойти между женщиной и женщиной, а то я уже на первого встречного бросаться начала. И с хождением по тёмным улицам в одиночестве

пора завязывать, да и вообще, в ближайшее время одной по городу шататься не следует, чтобы не привлекать внимание белобрысых маньяков. То, что этот Ковалёв чокнутый, никаких сомнений не осталось. Просто буду осторожнее, буду стараться не попадаться ему на глаза, и не стану ломать голову над тем бредом, который он сегодня нёс. От этих мыслей мне стало значительно легче, и я тепло улыбнулась бабушке.

Глава 4

Я проснулась от неприятного чувства тревоги, от которого слегка подташнивало и скручивало живот. Золотистый лучик холодного ноябрьского солнца пробивался в щель между неплотно задёрнутых занавесок и отражался на пожелтевших обоях в мелкий синий цветочек. Обыкновенная суббота, которую я проведу с бабушкой, мы напечём ватрушек, наведём порядок в квартире. День будет тихим, мирным без потрясений, без вторжения чужих людей. Но, от чего же так муторно на душе, что мне мешает расслабленно раскинуться на тахте, вспомнить свой недавний сон, таких ярких снов я уже давно не видела, и отправиться на запах бабушкиных блинчиков? Стоило мне задуматься о природе своей тревоги, как последние остатки сна улетучились, и я осталась наедине со своим страхом перед сегодняшним днём. Обидно! Как обидно! Теперь весь день буду, словно на иголках. Ни вспоминать сон, ни читать книжку уже не хотелось. Я решительно встала, набросив халат.

На столе завибрировал телефон.

– Да.

– Ты не передумала? – спросила трубка голосом Валерика.

– Нет, – ответила я.

– Отлично, я буду ждать.

Слова, как слова, разговор, как разговор, но мне чего-то не хватало, что-то настораживало. Может быть отсутствие радости? Тепла в голосе? Нежности? Мне всегда казалось, что влюблённый мужчина говорит как-то иначе. Но ведь я почти пол года избегала близости с ним, боялась остаться наедине, таскала мужика по музеям, театрам, кино и выставкам, в глубине души, понимая, что все эти походы интересны только мне. После посещения очередной выставки, спектакля, кинокартины, мне хотелось обсудить увиденное с Валерой, поделиться впечатлениями, узнать его мнение, поспорить. Но мой спутник отвечал хмуро и односложно, а порой в его голосе звучало раздражение. Все эти свидания в людных местах он расценивал, как попытку избежать секса с ним, от части, так оно и было.

Познакомились мы через фирму «Влюблённые сердца». Наташка уговорила меня зайти в помещение с пошлой вывеской, на которой красовалось сердце, пронзённое стрелой. Внутри офис был таким же карамельным, розовая стойка с милой длинноногой девушкой за ней, розовые пуфики и диванчики и огромные мохнатые подушки виде сердец.

Девушка протянула мне анкету, которую мне следовало заполнить. Мы с Наташкой долго спорили, что написать в

графу: « В мужчинах мне нравится...»

– Сильный характер, ответственность и материальный достаток, – советовала подруга.

– Мне не нужны его деньги, – отвечала я. – Главное, чтобы он был добрым, искренним, мягким.

– На хрена тебе тюфяк! – шипела Наташка, обречённо глядя на то, как я вписываю только что произнесённые слова в графу на розовой бумаге.

Спустя три дня, мне позвонили и пригласили в офис, где недавняя девушка представила мне троих мужчин. Да уж, выбор был невелик. Усатый, с сединой в волосах дядечка, тощий хлюпик с синюшной кожей и россыпью угрей на носу и щеках и неопрятный парень в пузырящихся на коленях спортивных штанах и растянутой футболке.

Каждый из мужчин немного рассказал о себе, потом рассказывала я, ну а после, девушка предложила мне с каждым по очереди пройти в соседнюю комнату, для более близкого общения. С синюшным мы молча смотрели друг на друга все, предусмотренные правилами, пять минут. Он шмыгал носом, ковырял в ухе, чесал затылок. Седой мужчина без обиняков заявил, что я ему не подхожу, слишком мала, чтобы стать матерью его осиротевшим детям. Я была с ним полностью согласна. Неопрятный же, предложил мне погулять в парке, но оговорился, что у него пока нет работы, а, соответственно, и денег. По этому, покупка мороженого и лимонада ложится на мои плечи. Так мы и стали встречаться. Со

дня нашего знакомства денег у Валерика так и не прибавилось. Он никак не мог найти постоянную работу. То мёл дворы, то разгружал фуры, а то просто лежал на диване в своей комнате в общежитии. Первые недели нашего с Валерием общения были для меня самыми счастливыми. Он постоянно извинялся за то, что не может дарить мне дорогих подарков и катать на машине, я же убеждала его в том, что всё это не важно, главное – искренность, открытость и душевная теплота. Валера мастерил для меня фигурки из дерева, приносил охапки полевых цветов, а, когда кроны деревьев покрылись медью и золотом, выложил на куске старых обоев моё имя из осенних листьев. Его жесты внимания трогали меня до слёз, моё сердце сжималось от умиления и жалости к этому простому улыбчивому, всегда весёлому бесшабашному парню. Мы взлетали в небо на качелях, задорно хохоча, глядя в бескрайнюю прохладную синь, устраивали пикники на крыше, Гуляли в самых отдалённых и заброшенных уголках парка, где гуще деревья, где глубже ковёр из опавших листьев. Как-то, на одной из таких прогулок, Валерий попробовал повалить меня на эти самые пахучие, шуршащие жёлто–коричневые листья. Но я отвергла его предложение, заявив, что мы не собаки, чтобы заниматься сексом где попало. Прогулка была, конечно же, испорчена. Валерий молча проводил меня домой и не звонил несколько дней. Все эти дни его молчания, я не находила себе места.

День пролетел быстро. Я с обречённостью смотрела, как

улица за окном меняет свой цвет, от утреннего золотистого, до дневного голубовато-серого, а потом стремительно темнеет. Всё валилось из рук, бабушкина болтовня раздражала, ватрушки казались безвкусными. Единственное, что у меня хорошо получилось, так это соврать бабушке о том, что мне необходимо заночевать у Наташки, так как её муж в командировке, а ей страшно оставаться одной в квартире. Моя добрая бабуля тут же предложила угостить Наташу и её Серёжу ватрушками. Стыд сжигал меня изнутри, в тот момент я себя ненавидела. И чтобы скрыть своё пылающее лицо и злые слёзы, выступившие на глаза, я обняла бабушку.

– Ох милая, – запричитала бабуля. – Чего это с тобой сегодня?

А мне внезапно показалось, что я вижу бабушку в последний раз. Что мне необходимо запомнить её как можно подробнее, каждую чётточку, каждую морщинку, впитать в себя запах теста и ванили, запечатлеть в памяти её голос. Отвратное ощущение чего то уже предрешённого, непоправимого. Невыносимо захотелось позвонить Валерке и отменить встречу, послать всё к служителям тьмы и остаться дома с бабушкой. И пусть злиться на меня, пусть не звонит неделями, ничего, переживу. У меня есть бабушка, есть работа, есть подруги. Ведь была же я когда-то счастлива без Валерия. Но воспоминания о качелях, летящих к облакам, о душистых букетах васильков и ромашек заставили меня собраться и выйти на холодную погруженную во мрак улицу.

– Плохая это затея, – раздражённо думала я трясясь в душевой маршрутке по ухабам.

– Идиотская это затея, – обречённо думала я, выйдя в тревожную темноту за пределами города, вслушиваясь в лаянье собак и кудахтанье кур, доносившихся из частного сектора.

– Отвратительная затея, – чуть не плача думала я, увязая в снегу, когда направлялась к старому, двухэтажному общежитию.

Но, по -настоящему я обругала себя, когда вошла в то самое общежитие. С каждым шагом по мрачному, обшарпанному коридору, окрашенному в грязно зелёный, с каждым вдохом воздуха, пропитанного запахами нечистот, протухших продуктов, спиртного и дешёвого табака, силы меня оставляли. Идти никуда не хотелось, хотелось домой, к бабушке, к бубнящему телевизору, ватрушкам и недочитанной книжке. И гори огнём Валерка со своими обидами! Плевать на эти дурацкие отношения! Я не хочу, чтобы мой первый раз случился здесь, за одной из этих пожелтевших от ветхости, хлипких дверей.

Неуверенно постучав в дверь с кривой цифрой 15, я заглянула в комнату.

Расправленная кровать с несвежим бельём, небольшой столик, уставленный нехитрой снедью, покосившийся шкаф и мужчина в трусах и майке, курящий в открытое окно.

Услышав скрип открывающейся двери, он обернулся.

– Ингуля! – радостно завопил он, увидев меня. – Пришла

всё— таки моя куколка.

Пьяный худой мужик с торчащими из немытых, подмышек волосами притиснул меня к своей груди. Мой нос уткнулся в его пропахшую потом, пивом и табаком майку.

И это с ним у нас сегодня всё случится? И это к нему яехала, обманув бабушку. Бежать, бежать, как можно дальше. И больше никогда не вспоминать этого человека, не набирать его номер, не строить никаких планов на счёт него.

Тем временем, Валерка стягивал с меня куртку, что-то приговаривая, предлагая взглянуть на приготовленные им закуски, шпроты, лук, грубо-нашинкованную капусту, грибы, а главное — милую сердцу водочку.

К отвращению присоединился страх, предчувствие чего-то непоправимого, чудовищного. Я точно знала, что из этого места нужно немедленно уходить, убираться, драпать. Что на счету каждая секунда.

— Валера, — заговорила я, стараясь сдержать дрожь в голосе.— Я не думаю, что эта комната— подходящее место для первого раза.

Пьяная улыбка на лице мужчины тут же превратилась в свирепый оскал.

— Вот фифа какая! — раздражённо выплюнул он. — А ты чего ожидала, шикарных номеров в гостинице и ванны с лепестками роз.

— Было бы неплохо,— огрызнулась я.

Да другая женщина, увидев такое вот чудо в трусах до

колен и растянутой майке, окинув взглядом окружающее убранство, давно бы плюнула и уехала домой на первой же маршрутке, даже куртку и шапку не сняв. А я здесь сижу, для чего? Неужели мне хочется, чтобы это существо навалилось на меня, обдало запахом перегара, чтобы заскрипела под нами панцирная сетка кровати, чтобы из соседней комнаты доносилась брань и звон стаканов. Ну уж нет! Самооценка моя низка, но ведь не до такой же степени.

Я решительно поднялась и направилась к двери, рядом с которой на гвоздь Валерик повесил мою верхнюю одежду. Шаг, ещё шаг, скоро я покину это омерзительное место. И пусть мне снова придётся пробираться к остановке по темноте, увязая в сугробах, пусть мороз проникает сквозь слои одежды, пока я буду ожидать маршрутку, пусть придётся что – то объяснять бабушке. Прощай, Валера, прощайте голубые небеса, летящие навстречу, прощайте милые букетики полевых цветов! Всё это ещё будет в моей жизни, нужно только немножко подождать. А если даже и не будет, то ничего, переживу. Главное сейчас – сохранить свою жизнь.

Я не успела, мне не хватило каких– то секунд. Дверь открылась и в комнату ввалилось двое мужчин, тоже в трусах и майках, только менее вменяемых, по сравнению с Валеркой. Один был смуглым и волосатым, с треугольной бородкой, в которой застряли крошки от сыра и чипсов. Другой – коренастый, красномордый, с жиденькими сероватыми волосёнками.

Запах дешёвого алкоголя и немытых тел стал гуще. Меня обуял ужас, я с ясностью поняла, что сейчас произойдёт. В голове мутилось, ноги подкашивались, глаза лихорадочно искали выход. Дверь заблокирована пьяными мужиками, окно ? Но мы находимся на третьем этаже, да и открыть его я просто не успею. Схватить бутылку, стоящую на столе ? Но волосатый, вероятно, перехватил мой взгляд, так как развязно произнёс:

– Даже не думай, сучка, и не таких обламывали.

Его дружок потирал руки с вожделением глядя, то на стол с закуской и выпивкой, то на меня. Валерка же, просто курил, жадно и нервно затягиваясь.

В комнате повисло напряжённое молчание. Все застыли в ожидании. Брань за стеной стала ещё громче, потом послышалась какая– то попсовая песенка, вероятно соседи включили телевизор. В коридоре раздался хриплый женский смех.

Тишина становилась просто невыносимой.

– Валера, – проговорила я. Язык онемел от страха, горло сжалось в спазме. Слова с трудом проталкивались наружу, обжигая и царапая.

– Ты обещал, что мы будем вдвоём.

Взгляд моего, теперь уж точно бывшего, парня стал виноватым и беспомощным. Я отчётливо поняла, что он мне не поможет, не заступится.

– Ребят, – ох уж эта его извиняющаяся улыбка, ох уж этот

его просительный взгляд. — Мы с Ингусей решили вдвоём побыть.

Сказал, и тут же втянул голову в тощие плечи, ожидая не то нагоняя, не то удара.

— Вот, значит, как? — крикнул Красномордый, перекатывая своё грузное тело с пятки на носок. — А в очко нам кто проиграл? А поляну накрыть и бабу приволочь нам кто обещал?

Волосатый, тем временем, принялся по— хозяйски распечатывать бутылку.

Валерка, с услужливой суетливостью, кинулся переставлять посуду на столе.

Водка звонко полилась в граненые стаканы.

— Абдулла, братан, ты это слышал? Этот фраер решил бабу зажать.

Абдулла, который, по всей видимости, был главным в этой компании, задумчиво почесал свою бороду, выскреб из неё пару крошек и вынес вердикт:

— А мы не стеснительные, сами возьмём.

Я бросила на Валерку умоляющий взгляд, но тот отвернулся, сосредоточив своё внимание на розовых кружочках колбасы, лежащих на блюде.

Ну что ж, спасение утопающих— дело рук самих утопающих.

— Уважаемые господа, — заговорила я, с трудом проталкивая застревающие в горле слова.— Вы ошиблись, я пришла

на свидание к своему парню, а бабу и поляну он предоставит вам в другой раз. И если вы хоть немного уважаете своего друга Валерия, то покинете эту комнату и оставите нас наедине.

Мужики издевательски заржали.

– Мля, Валерка, – похрюкивал красномордый. – Ты где таких шлюх находишь?

– Ты нам случайно не училку привёл?! – рычал волосатый, обнажив ряды коричневых гнилых зубов.

Медлить больше не было смысла. Этих мерзавцев не разжалобить слезами, не убедить доводами, не запугать полицией. Мы с бабушкой частенько смотрели криминальные хроники по телевизору, и чем оканчиваются подобные истории, я могла предвидеть. Изнасилуют, засунут труп в мешок для мусора и закапают в снег, благо рядом находится лесопосадка, куда до весны никто не сунется. Ни одна живая душа не знает, куда я направилась.

Дальнейшие события отпечатались в моём сознании смутно, отдельными урывками. Может потому, что они происходили слишком стремительно, а может и оттого, что мой мозг не хотел хранить в памяти всю эту грязь.

Вот я рвусь к двери с криком о помощи. Но мой рот тут же зажимает мясистая ладонь красномордого. Мужик швыряет меня на пол, пальцы второй его руки стискивают мне шею. В ушах раздаётся звон, голова тяжелеет, не вздохнуть, не сглотнуть. Сквозь пелену слёз, выступивших на глаза, я ви-

жу, багровый шар лица, с чёрной, раззявленной щелью рта, в которой зловеще блестит несколько золотых зубов. И это последнее, на что я смотрю в своей жизни? Жирная капля пота падает на моё лицо с блестящего подбородка. Чувство гадливости заставляет меня забиться ещё яростнее. Я, из-за всех сил, колочу кулаками по огромной спине, бесцельно бью ногами по полу, но хватка не ослабевает, а мои силы утекают с каждой секундой. Мне кажется, что глаза мои начинают вылезать из орбит, что кожа головы скоро лопнет с треском, не выдержав давления.

— Будь умницей, — шепчет красномордый. — А не то, я сломаю твою шейку, маленькая шлюшка.

Чьи -то руки поспешно, путаясь в пуговицах, стягивают с меня джинсы.

Я уже ничего не вижу перед собой, перед глазами вращаются цветные пятна. Где-то, словно сквозь вату, доносится голос Валерки, он о чём -то просит каких-то ребят.

Колючее колено раздвигает мне бёдра, твёрдый и горячий пенис с трудом пытается протиснуться внутрь меня, но никак не попадает. Толчок, и ещё раз и ещё. Моё тело не желает впускать в себя это мокрое до отвращения крупное, нечто. Но Абдуллу это не останавливает. Матерясь, он тыкается в меня всё яростнее, всё агрессивнее. Грубые пальцы в заусенцах щипают кожу, стараясь причинить, как можно больше боли. Моё сознание уходит, я погружаюсь в спасительную мягкую тьму, понимая, что скорее всего, останусь в

ней навсегда.

Внезапно, сквозь окутавшую меня пелену забвения, прорывается звук разбивающегося стекла. Осколки водопадом обрушиваются на пол комнаты, а меня окатывает чем – то горячим и солёным. С трудом разлепив глаза, я вижу, что на мне лежит обезглавленный труп, а из него толчками вырывается кровь. Вся комната залита осколками и кровью, разбитое окно зияет чернотой, из него тянет пронизывающим холодом. Под столом лежит голова

Красномордого, с остекленевшими глазами и разинутым, в ужасе, ртом. Валерка катается по полу, скуля и зажимая распоротый живот, из которого вываливаются окровавленные внутренности. Над Абдуллой же, нависает Ковалёв, вонзив в его шею клыки и жадно причмокивая.

Происходящее напоминает дурной сон, от которого, хочется проснуться. Но уж слишком явно, слишком тошнотворно пахнет кровью, слишком сильно трясёт моё тело от холода, страха и отвращения. А может быть это и есть сон? Болезненный бред. Да, так и есть, я сплю. Я заболела, у меня температура. Но скоро я проснусь, и всё будет хорошо. Бабушка даст мне лекарство, вызовет врача, а я позвоню на работу и предупрежу, что уроков истории в ближайшую неделю не будет. Ох, ну когда же наступит пробуждение?

Напившись крови, Ковалёв вытирает рот тыльной стороной ладони. и направляется ко мне.

Я в ужасе кричу и ползу на четвереньках в сторону две-

ри. Только бы доползти, только бы вывалиться в коридор, а там люди. Ведь не смогут же они равнодушно отнестись к девушке в окровавленной одежде.

Сильная рука тянет меня вверх.

– Нам нужно торопиться, – ровным голосом произносит он, будто бы на полу не лежат три трупца, словно его ноги не топчут кровавые лужи, словно он не пил сейчас из разорванной шеи Абдуллы.

Мы вылетаем в разбитое окно. Под нами белой простынёй проносится поле, над нашими головами коричневым, мутным и вязким, словно кисель, пологом нависает небо. Холодно! Я и не думала, что может быть так холодно. Тысяча игл вонзается в кожу, стынет кровь, лёгкие разрывает болью. Потоки встречного ветра яростно лупят по лицу, уродливыми гибкими щупальцами выкручивает кости, ввинчивается в глаза, нос, уши. А мы всё летим, летим, летим, и кажется, что нашему полёту не будет конца, что я уже умерла, и сейчас моя грешная душа получает заслуженное наказание. Наконец, сюрреализм происходящего окончательно выматывает мою нервную систему, и я с благодарностью погружаюсь в объятия тьмы.

Глава 5

Я в огромном ледяном шаре. Он кружится, а я, то и дело, ударяюсь то об одну, то о другую его стенку. Стенки обжигают холодом, от которого стынет всё внутри. И единственное моё желание – чтобы прекратилось кружение. Поворот, ещё

один и ещё. Ну, пожалуйста! Ну, остановите это кто-нибудь! Я больше не могу! Я больше не выдержу! Я плачу, плачу навзрыд, и слёзы мои холодны. Они превращаются в кусочки льда и застывают на щеках.

Но вот шар с треском раскалывается, ко мне протягиваются руки. Они поднимают меня, прижимают к горячему телу. Я доверчиво приникаю к спасительному теплу, затем поднимаю взгляд и вижу страшное лицо Ковалёва, перепачканное кровью. За его спиной что-то взрывается и мы оказываемся в горящей комнате. Меня опалает жаром, губы пересохли, хочется пить. Ковалёв подносит к моим губам стакан воды, но стоит мне пригубить столь вожаделенную жидкость, она краснеет, и я понимаю, что передо мной кровь. Мы летим сквозь пламя, пока не долетаем до рычащей мясорубки, из которой в огромный таз вываливается фарш. Я с ужасом осознаю, что этот фарш из человеческого мяса. Вот в месиво из перетёртых костей, кожи и мышц падает золотой зуб

Красномордого, в его поверхности отражаются языки пламени, а вот и медальон, который я подарила Валерке на день его рождения. Мой крик так пронзителен, что от него закладывает уши. Глаза резко открываются и я вижу перед собой старуху, протирающую моё лицо влажной тряпицей.

— Кризис миновал,— говорит она. — Можешь теперь отправить её к остальным.

— Я бы предпочёл, чтобы она побыла здесь.

Голос собеседника старушки показался мне знакомым.

– Пусть напоследок с людьми пообщается перед тем, как ты перетащишь её через портал. Это важно для них, Вилмар. Мерно тикали часы.

В комнате пахло лекарствами и тяжёлым духом болезни. Из – за неплотно -задёрнутых штор просачивался утренний голубоватый свет. Никогда не любила утро. Оно пугало меня своей непредсказуемостью, своими новыми правилами. Утро– это холод и тревога пробуждения, это– путь до работы в набитом людьми городском транспорте, это угрюмые прохожие, это– совещания на работе. Вот и сегодняшнее утро не сулило мне ничего хорошего. Где я ? В больнице? В чьём– то доме? Кто эти люди?

– Люди – существа слабые, тебе следует это запомнить, балбес, если уж собрался завести себе источника. Если бы ты не вздумал тащить девчонку почти голышом в двадцатиградусный мороз, мы бы уже давно находились в Далере, а не теряли бы тут лишние три дня. Его величество будет вами недоволен. Он собрался чиновников награждать, а тут такая оказия.

Старуха ехидно захихикала.

– Время ещё есть, – отмахнулся Вилмар. – Я скажу ему, что это ты так долго источника выбирала, не могла определиться, все такие сладенькие, хорошенькие.

– Вот дурак! – насмешливо фыркнула старуха. – Я то уж давно выбрала. Мне мальчик понравился, лысенький такой. Дерзкий, адреналина в кровушке много, того и гляди в дра-

ку кинется. Кстати, можешь забирать своё сокровище. Очнулась она, лихорадка отступила, лежит здесь претворяется.

– Не всё ли равно, кого ты выбрала. В любом случаи они у тебя долго не живут.

К кровати, на которой я лежала подошёл Ковалёв. Мой кошмар. Аккуратный, свежий, благоухающий ментолом и цитрусом. Бежевые брюки, белоснежная рубашка— всё тщательно отутюжено, всё сияет чистотой, словно никогда не лезли на его одежду, куски разодранной человеческой плоти, словно рот его не был перепачкан кровью, убитого им человека, словно не разило от него запахом истерзанных внутренностей и смертью.

Меня затрясло от страха. Он медленно приближался, он тянул ко мне свои руки. Я же, слабая, беспомощная, жалкая, ничего не могла сделать. Моя жизнь, за последние несколько часов, превратилась в комнату страха, где за каждой дверью меня ожидает какой— то ужасный сюрприз. По спине противной струйкой пробежал холодный пот, язык примёрз к нёбу, воздух показался густым, совершенно непригодным для дыхания, во рту разлилась горечь.

– Нет, – прохрипела я, стараясь уцепиться за рукав старухи. – Бабушка, милая, не отдавай меня ему.

Я была готова унижаться, умолять, ползать на коленях перед этой бабкой с потемневшим от старости лицом и узловатыми жёсткими руками. Сложно сохранять чувство собственного достоинства, когда тебе грозит смерть. А то, что

этот Ковалёв или как его там, Вилмар, несёт смерть, я даже не сомневалась.

– Да чем же ты так девку то напугал, дурья твоя башка? – смеялась старуха, с лёгкостью отцепляя мои пальцы от ткани своей одежды.

Руки снежного барса без труда подняли меня и куда– то потащили. Комната с большой кроватью и тяжёлыми бордовыми занавесками проплыла мимо. Мы же очутились на белоснежной кухне, где всё вокруг дышало чистотой.

– А ну прекрати! – рявкнул Вилмар, встряхнув моё дрожащее рыдающее тело. Щеку обожгла хлёсткая пощёчина.

Я сделала несколько глубоких вдохов, зажмурилась, потом открыла глаза. Надо взять себя в руки, моя истерика – лишь моя личная проблема. Никто не станет меня жалеть, никто не погладит по голове и не повезёт меня домой. Я сама во всём виновата, нужно было остаться дома, а не тащиться на окраину города к негодяю -Валерке, где даже антивампирские жучки не установлены. Так что успокойся, Инга, сядь за стол и послушай то, что тебе сейчас скажут. Может быть, тебя убьют легко и безболезненно, а может быть, и не убьют , ведь пока ты была без сознания, на твою кровь никто не покусился.

Меня опустили на табурет перед столом, на глянцевой поверхности которого, отражался свет маленьких жёлтых лампочек висящих под потолком. Я положила голову на прохладную гладкую поверхность, ощущая, как пластик прият-

но холодит мою разгоряченную кожу.

Передо мной материализовалась дымящаяся кружка с каким— то чаем.

— Пей, — последовал приказ мужчины.

Я послушно сделала несколько глотков.

Зелёные глаза, какое— то время, смотрели на меня с неудовольствием, затем мужчина заговорил:

— Тебе предоставлялась возможность узнать меня получше, привыкнуть ко мне, но ты решила проявить своё ослиное упрямство, и теперь дрожишь от страха. Но ничего не поделаешь, будем исходить из того, что есть. Скоро мы переправимся через портал, и уже на месте ты задашь все свои вопросы, а на данный момент, времени для инструктажа у меня нет. Хотя, что то тебе, наверняка , поведают твои друзья по несчастью. А теперь идём, и без глупостей!

В подвале, на удивление, было светло и сухо. На надувных матрасах сидело несколько угрюмых человек. Лысый парень с синяком под глазом и выпирающим лицевым отделом черепа, сосредоточено крутил какие — то чётки, худенький рыжий очкарик и блондинка жались друг к другу, густо накрашенная брюнетка раскачивалась из стороны в сторону.

В самом дальнем углу зияла яма, от которой нестерпимо тянуло омерзительным духом испражнений. Я невольно поморщилась, на что брюнетка удовлетворённо хмыкнула, а лысый заржал, влюблённая же парочка ещё теснее сжалась. Я опустилась возле захлопнувшейся двери, в которой несколь-

ко раз со скрежетом провернулся ключ.

— Ну, вот и ещё одного человека сюда засунули, — надрывно проговорила брюнетка, прервав своё занятие. — Подумать только, я целых три дня здесь сижу. Где обещанные путёвки к морю? Что за тур фирма такая идиотская?! Я буду жаловаться в приёмную СГБ. Содержать меня в таких условиях!

От голоса брюнетки хотелось закрыть уши, так как он напоминал скрип несмазанных дверных петель. В огромных очках женщины отражался свет тусклой желтоватой лампочки, который казался зловещим.

Три дня! Отступившая паника вновь начала приближаться. Меня, скорее всего, уже ищут. Бабушка не находит себе места, Наташка доказывает в полиции, что меня у неё в тот злополучный вечер не было, начальство на работе ломает голову над тем, как сохранить имидж школы и не ударить в грязь лицом. Весь мир встал с ног на голову. Моя жизнь с хрустом лопнула на две половины, «До» — пусть не такая яркая и счастливая, но размеренная и спокойная, и «После» — пугающая, неясная, безобразная в своей непредсказуемости.

С отчётливой ясностью я поняла, что ничего не будет как раньше. Не будет заботливой бабушки, не будет уроков в школе, не будет посиделок с Наташкой в её кабинете, не будет совещаний в актовом зале. Теперь, всё, что когда-то меня раздражало, утомляло, обижало казалось таким дорогим и близким. Это была моя жизнь, мои будни, которые я не ценила, ждала перемен, знаменательных событий. Ну вот они

эти перемены, получай, ешь на здоровье!

– Нет, вы только подумайте, – брюнетка уже голосила, нервно, злобно оглядывая сидящих вокруг. – Они просто не имеют права меня здесь удерживать. Мой бывший муж друг двоюродного брата секретаря председателя городского управления. Я найду управу, я подключу свои связи, как тогда, когда моему ребёнку в больнице сделали укол, а он после него долго плакал и не мог уснуть. И знаете, чего я добилась? Эту сестру уволили!

– Закрой пасть, – лысый зло сплюнул. – От твоего нытья блевать тянет. За халявными путёвочками припёрлась? Так то, бесплатный сыр, знаешь где только бывает? А вот меня, как лоха с работой развели, я же не ноюсь.

Я невольно испытала чувство благодарности к парню. Сама я, в силу своего воспитания, никогда не смогла бы нагрубить человеку, несмотря на то, что порой мне очень этого хотелось. Весьма неприятная особа. С подобными дамочками мне приходилось сталкиваться в школе.

Первое сентября, школьная линейка, погожее утро, обещающее превратиться в тёплый день. Верхушки деревьев слегка покрылись золотом, прохладный ветерок остужает разгорячённую волнением кожу. На мне светлая юбка и белоснежная блуза, мне немного страшно, немного весело. Аркадий Кондратьевич объявляет имена новых учителей. Вот из толпы вышел учитель труда, приземистый мужичок, нарядные детишки и их родители приветственно хлопают, вот

называют имя моей подруги, и на сцену выплывает Наташка. Директор вызывает меня. Я иду туда, где уже стоят трудовик и математичка, дети продолжают хлопать, я улыбаюсь. Но вдруг из толпы, грубо накладываясь на хрипло-звучащую из неисправных динамиков, песню, раздаётся голос одной из мамаш. Зычный, сметающий на своём пути любые преграды, он пролетает над школьным двором старой вороной с пыльными крыльями и бьёт мне прямо в темя.

– Ой, батюшки! Так она сама ещё дитя дитём! – восклицает мамаша. – Да с урока такой учительки и сбежать не грех!

Надо ли говорить, что настроение моё было испорчено. Но к полному нулю оно скатилось, когда один из классов воспользовался этим советом и не явился на урок.

– Да надоело просто торчать в этом подвале, – пискнула блондинка, жалобно всхлипнув. – Так говном воняет, я скоро умру здесь. Чего им от нас надо, зачем эти люди пообещали сдать нам дешёвую квартиру?

– Тихо, милая. – зашептал ей очкарик. – всё будет хорошо, мы скоро выйдем отсюда, там на улице будет свежий воздух, солнышко...

Я, на мгновение, почувствовала зависть к этой миловидной блондиночке. Как бы мне хотелось, чтобы кто-то близкий, вот так же шептал в моё ухо всякие успокоительные глупости. Но я одна, всегда одна. Одна сидела дома, когда все бежали на дискотеки, одна приходила в августе в школу, помогать красить парты, пока мои одноклассники валялись

на пляже, одна возвращалась с вечеринок раньше всех, ведь только мне не позволялось задерживаться после восьми, одна приходила на свадьбы своих подруг, ведь только у меня не было пары.

– Ага, птички и травка зелёная, – раздражённо прервал лысый. – Хорош сопли разводить! Неужели вы не поняли, куда и к кому попали? Вы им в рожи смотрели? В их глаза? Нас переправят через портал, раздарят кровососам, и мы содохнем, все до одного, потому, что кровососы выпьют нашу кровь. Понятно вам?!

Паника сменилась усталостью. Как же всё это надоело. Надоело бояться, надоело знакомиться с новыми, но такими отворачивательными людьми, надоело ожидать чего– то. Даже заплакать больше не получается, я израсходовала запас слёз. Глаза сухие, воспалённые, тело слабое и вялое после болезни. Пусть будет, что будет. Хотят убить, пусть убивают, хотят моей крови – да берите, мне не жаль, только оставьте меня в покое на несколько часов, дайте отлежаться, дайте ещё немного подышать морозным воздухом, посмотреть в белёсое, словно топленое молоко небо, ощутить прикосновение снежинок к своим щекам.

Но лысому, явно, хотелось борьбы, он не собирался сдаваться без боя.

Парень вскочил с матраса и принялся яростно отбивать кулаки о металлическую обшивку двери.

– Эй вы! – орал он во всю глотку. – Козлы кровососущие!

Откройте эту хренову дверь, а не то, мы сейчас надышимся дерьмом и сдохнем, и вы не получите нас живыми!

Все тоскливо смотрели на жалкие потуги лысого, скорее всего, он проделывал это не в первый раз, и его действия никакого результата не давали.

Дверь внезапно открылась, едва не ударив парня. На пороге возникла вампирша с каштановой шевелюрой на голове, тоненькая, в лёгком белом платье. Её сапфировые глаза смотрели на нас с умилением и любопытством. Так смотрят на цыплят, пытающихся выбраться из коробки, таким взглядом награждают щенка, впервые выведенного на прогулку. От неё пахло волей, ветром, чистотой первого снега и, в то же время, терпкостью заливных лугов.

– Постройтесь в одну шеренгу, – мелодично прозвучал её голос. – На улице довольно холодно, вы ведь не хотите замёрзнуть?

Накатила апатия, безразличие ко всему. В голове не осталось ни одной мысли, чувства притупились. Всё стало неважным, пустым. Только этот синий взгляд держал от последнего шага в пропасть забвения, только этот голос, такой чарующий, такой ласковый не давал закрыть глаза. Звучи, звучи, только не замолкай, мы, такие маленькие, такие беззащитные, не бросай нас. Мы сделаем всё, что ты скажешь, мы будем послушными твоей воле. Главное – не покидай нас, останься с нами.

Мы встали перед ней.

Вампирша, что -то мурлыча себе под нос, принялась делать руками какие-то пассы. Воздух вокруг начал уплотняться, мутнеть. Теперь каждый из нас находился в полупрозрачной тёплой капсуле, которая слегка подрагивала.

– Отлично, – пропела вампирша. – А теперь следуйте за мной, мои дорогие.

Морозный воздух, пусть и не обжигал холодом, благодаря защитной капсуле, но смог немного отрезвить. Теперь я отдавала себе отчёт, что нет никакого «мы», есть я и есть эти люди, каждый по отдельности. Но был ли толк в этом понимании, когда мои ноги сами собой переставлялись в том направлении, куда нужно этой каштановой вампирше.

Перед нами лежала ледяная гладь озера. Мы ступили на лёд и встали в две линии, я, брюнетка, блондинка, очкарик и лысый, а напротив нас вампиры. Напротив меня Вилмар, рядом с ним та, что заходила к нам в подвал, потом – черноволосый с каменным строгим, но всё же очень красивым лицом и старуха.

Нам велели вытянуть руки вперёд, так, чтобы наши ладони касались ладоней вампиров, а потом зазвучала песня на незнакомом языке. С начала, зимнюю сонную тишину прорвал густой, мощный, полный молодой неудержимой силы, словно морской шторм, баритон Вилмара. Затем, лёгким дуновением ветра прошелестел тонкий и нежный голосок каштановой вампирши. Голоса дополняли друг друга, Страсть и нежность, напор и смирение. И казалось бы, что третий–

лишний, но нет. В союз этих двух голосов проник мягкий тенор черноволосого вампира успокаивающий, сглаживающий, вбирающий, как белый прибрежный песок, как рыхлая плодородная почва. Но чего— то не хватало, не выходило целостной картины. Где же он, недостающий элемент? И вот оно! Яркое, будто пламя, контральто старухи. Вампирская песня, творящая волшебство, обладающая магической силой, способная как исцелить, так и погубить, помочь взлететь к небесам или раздавить как червя, заставить дрожать от страха, или безрассудно броситься в бой. Кто знает, может быть за эти песни люди и возненавидели вампиров? Песня открывающая портал. Она лилась, словно родниковая вода в жаркий летний день, в ней было солнце, птичьи трели, запах молодой травы, стрёкот цикад и далёкие раскаты грома. От неё замирало сердце, хотелось раскинуть руки и бежать навстречу ветру, к синей полосе горизонта. Хотелось отпустить все заботы и тревоги, хотелось просто жить, безопасно, бездумно.

Лёд треснул, и мы начали проваливаться, но не резко, а плавно, словно находились в лифте. Всё вокруг погрузилось в фиолетовый плотный сумрак, который хищно урчал и вибрировал. Фиолетовое постепенно сменялось синим мягким, словно вата и гудящим, будто рой пчёл, синее голубым, голубое зелёным. Сочно зелёное с шипением разорвали ярко-жёлтые лучи, на мгновение ослепив. Я зажмурилась, но открыв глаза, увидела, что теперь мы находимся в густом оран-

жевом плотном киселе, который облепляет со всех сторон, пытаясь проникнуть в рот и нос. Яркая вспышка, и нас крутит в красном водовороте, подкидывает вверх, сбрасывает вниз. И наконец— тишина и пустота, долгожданная, желанная.

Глава 6

Меня разбудили солнечный луч, ласково коснувшийся моей щеки и многоголосое щебетанье птиц. В распахнутое окно веяло живой летней прохладой, после ночного дождя, благоуханием цветов и влажной травы. Я открыла глаза и с удовольствием потянулась. На белой поверхности потолка отражалась зелень деревьев и дрожащие солнечные блики, лукаво проглядывающие сквозь прорехи в густых кронах деревьев.

Я чувствовала себя бодрой, отдохнувшей, полной сил. Но в то же время, по телу растекалась сладкая лень, когда хочется просто наслаждаться данным моментом. Не погружаться в прошлое, не стараться предугадать будущее, а находиться в настоящем, здесь и сейчас, ни о чём не думая, никуда не торопясь.

Лето — моё любимое время года. Что может быть лучше чтения книжки в шумящем от детских криков и пенья птиц парке, вечернего чаепития на балконе с бабушкой, когда пахнет засыпающим городом, пыльной листвой и остывающим асфальтом, суеты на пляже, фруктового мороженого, шашлыка с холодным пивком? Стоп! Какое лето?! Какое пиво?!

Какой, к демонам, пляж?! Я не в своей квартире, не в своём городе, не в своей стране! Я там, где не бывает зимы, где рокошет море, где растут пальмы и кипарисы. Я там, где много, чертовски много вампиров. Я в Далере на территории вражеского государства! В немом ужасе я смотрела на дверь, которая вот– вот откроется и в эту такую милую голубенькую комнату войдёт вампир. И что он сделает, Инга? Правильно, он цапнет тебя в шею и начнёт пить твою кровь, с наслаждением причмокивая. Ты разделишь участь Абдуллы.

Куда бежать? Где прятаться? Да уж, Инга Анатольевна, если ты вернёшься домой и расскажешь детишкам в классе о своём приключении, на твоём уроке воцариться гробовая тишина. Я соскочила с кровати. На мне ,по прежнему, болталось пёстрое платье старухи. Расцветочка отвратительная. Хотя, какая разница, в чём помирать?

Я подошла к двери, подёргала ручку. Заперто! Не удивительно, ведь человек— пища довольно подвижная, это ведь вам не отбивная из свинины и не котлета, спокойно лежать на тарелке не будет. Хотя прежде чем котлета стала котлетой, она была свиньёй, коровой или курицей. Да что за чушь мне лезет в голову?! Мне нужно думать о том, как спастись! Как? Как? Да ни как! Я могу сбежать от этого вампира, к примеру, выскочить в открытое окно, и попасть в лапы другого. Это их государство, здесь они хозяева. Я бесцельно оглядывала помещение. Голубые стены, голубые занавески, коврик на полу цвета морской волны, небольшой тёмно— синий прикроват-

ный столик. Стихия Вилмара – вода.

Дверь открылась тихо, и на пороге возник Вилмар с сияющей улыбкой радушного хозяина на лице.

– С прибытием, Инга, – проговорил он, садясь на кровать, приглашающим жестом предлагая сесть с ним рядом. Я осталась стоять.

Играет, как кошка с мышью, как жестокий ребёнок с бродячим котом, которого с начала поманит вкусняшкой, погладит по встопорщенной шерсти и лишь потом потянет за хвост или усы. Наши взгляды скрестились, словно кленки перед боем, мой – затравленный, решительный, полный страха и ненависти, и его – укоризненный, снисходительный, раздраженный. А с чего ты раздражаешься? Думал, что я днями и ночами мечтала попасть сюда, грезила твоим укусом, желала умереть?

– Я не хочу, чтобы ты меня боялась, – вновь зазвучал голос вампира. – Понимаешь ли, мне адреналин не по нраву, я больше эндарфины люблю.

– Значит, останешься голодным

Голос мой прозвучал хрипло и надломлено, сильно же я простудилась во время полёта над заснеженными полями.

– Посмотрим. Я найду способ тебя порадовать, не сомневайся.

Надо отдать должное этому вампиру, улыбался он, что называется, лучезарно. Его лицо тут же приобретало мальчишеский, бесшабашный вид. Хулиган, предлагающий студен-

там прогулять зачёт. Беспечный повеса, клещащий девчонок на дискотеке.

– Идём на кухню, завтрак уже на столе.

Неужели он думает, что я вот так просто пойду за ним? Глупо, по– детски, но я решила никуда не ходить, нам не о чем говорить, не к чему сидеть за одним столом.

– Назови хоть одну причину, чтобы я пошла.

Не боюсь его ни капельки, мне больше нечего страшиться, овцой, которую откормят, чтобы потом зарезать, быть не желаю.

– Хорошо, – вампир, явно, веселился. Поднявшись, он заходил по комнате, но не нервно, а беспечно, с видом скучающего бездельника. – Назову и не одну. Во– первых – ты моя гостья, и я, как радушный хозяин обязан напоить тебя чаем. Во– вторых– мне недавно сделали ремонт, и я хочу похвалиться, ну, а в третьих – за столом вести беседу гораздо приятнее, ты не находишь?

Враг улыбался так искренно, так естественно себя вёл, расхаживая по комнате, совершенно бесцельно, то открывая шкаф, то выглядывая в окно, что на мгновение в голову проскользнуло сомнение: « А может нет никаких вампиров, и я не в Далере, а в съёмочном павильоне? Может быть, это один из множества телевизионных розыгрышей, которые часто устраивают, подшучивая над добропорядочными гражданами, чтобы потом показать по телевизору всей стране?»

Но как же тогда объяснить полёт, синяки на моей шеи от

пальцев красномордого и три растерзанных трупца, оставшихся в общежитии? Нет, это не розыгрыш и не игра моего воображения, передо мной стоит настоящий вампир, страшный враг человечества, а за окном цветёт и пахнет, купаясь в лучах южного солнца Далер.

– Ты издеваешься что ли? Я в твоём доме не гостья, а пленница, или лучше сказать – еда. И по этому, мне глубоко безразлично, какие у тебя обои, потолки и сантехника. А если хочешь со мной поговорить, говори здесь и сейчас.

Вампир внезапно посерьёзней, мальчишескую весёлость, как ветром сдуло. Он подошёл ко мне совсем близко, так, что я ощутила его дыхание на своём лице, положил на плечи тяжёлые ладони, навис надо мной, закрыв свет. В голове помутилось не то от страха, не то от ощущения своей беспомощности перед ним и ещё от чего – то волнующего, скручивающего внутренности, учащающего пульс.

– Нас видят такими, какими мы себя преподносим. Если ты постоянно ожидаешь удара, то тебя обязательно побьют, если ждёшь насмешек, над тобой будут смеяться. Не веди себя, как пленница, как несчастная жертва, и я не буду тебя ею считать. Так, что предпринимаю вторую попытку и приглашаю тебя присоединиться ко мне за завтраком.

Враг протянул мне руку, ожидая, что я вложу в неё свою ладонь, но я проигнорировала его жест, и рука, на несколько секунд беспомощно зависла в воздухе. Затем вампир открыл дверь и вышел.

Я угрюмо поплелась за ним, по длинному коридору, затем по лестнице, украдкой оглядывая убранство дома. Всё, как и следовало догадаться, было выдержано в голубых и светло-зелёных тонах. Если бы кто-то решил разрекламировать этот дом, то слоган, вероятнее всего, звучал бы так: «Лёгкость и невесомость – комфорт для тела, отдых для души»

Пушистые зеленоватые коврики на полу, небольшие пуфики в коридоре, высокие светлые потолки, лёгкие, полупрозрачные занавески, глубокий, и по всей видимости, очень мягкий диван в холле. Дом дышал свежестью, бодрящей прохладой. А на диванах и коврах хотелось растянуться, раскинуть руки в стороны, расслабить тело.

Кухня тоже была такой же голубовато-зелёной. Мне указали на просторный угловой диванчик за прозрачным столом, уставленным всевозможными яствами. Мы так с бабушкой никогда не питались, просто не хватало денег ни на вот такую золотистую дыню, исходящую сладким соком и головокружительным ароматом, ни на орехи, ни на белую рыбу. Обычно, мы ели на завтрак кашу пшеничную или гречневую, на обед щи, наготовленные бабулей, на пять дней, на ужин макароны с сыром или варёным яйцом. По выходным мы пекли блины или ватрушки, если оставались деньги на творог. Так и жили. Бродя вдоль рыночных рядов, я даже не смотрела в сторону прилавков с фруктами и овощами, так как знала, что всё это не для моего скромного кошелька учительницы. Оранжевые апельсины, жёлтые бананы, крас-

нощёкие яблоки и пупырчатые огурцы предназначались тем, кто имел хоть какое— то отношение к военной службе или военной промышленности. Они могли позволить себе и вкусную еду, и отдых на море, и стильную одежду, и дорогие лекарства.

При одном взгляде на стол, рот наполнился слюной, а желудок напомнил о своём существовании неприличным бурчанием. Ну, уж нет, кто в доме хозяин, я или тараканы? Терпи, дорогой, и не урчи так громко, мы бедные, но гордые, нас кусочком дыни не купишь. Но каким, чёрт возьми, кусочком!

Я сидела неподвижно, стараясь не вдыхать дурманящие запахи.

— Что то не так?

Голос Вилмара показался мне встревоженным.

— Аллергия, на какой— то из продуктов? Инга, говори сразу, это очень серьёзно.

Он опустился на диванчик рядом со мной, сжал мою руку своей огромной ладонью, впился в лицо зелёными глазами.

— Алексей, или Вилмар, прости, но я не знаю, как к тебе правильно обращаться, — начала я, стараясь не закричать, от обиды, от жалости к себе, от растерянности. — Я не хочу оставаться здесь, не хочу есть эту еду, которую пробовала лишь однажды, в гостях у бабулиного одноклассника генерала Карпеева, зная, что мои близкие сейчас жуют пустые макароны. И неужели ты думаешь, что я, словно голодная со-

бачонка кинусь на сахарную косточку, забыв обо всём, кто ты, куда я попала и что со мной будет?

Светлые брови мужчины сдвинулись к переносице, образовав складку, в глазах затвердел лёд.

– Послушай меня, Инга – начал он. – Я не виноват, что ваше правительство старается удержать свою власть путём запугивания несуществующим врагом и одну половину бюджета тратит на оборону, а другую половину разворовывает. Я не виноват, что СГБ плевать на всех вас, на ваше здоровье и благополучие. Не нужно воспринимать моё гостеприимство, как насмешку над твоей страной. К тому же, по известным нам обоим причинам, тебе необходимо хорошо питаться, чтобы выжить. А приручать тебя, как собачонку, я не вижу необходимости. По закону Далера, ты являешься моей собственностью, и твоё желание здесь не учитывается.

Я знала об этом, я не питала никаких иллюзий, что меня отправят домой или прислушаются к моему мнению. Но одно дело, когда ты это понимаешь, а другое – когда страшные слова произнесены вслух. И вот ты уже ощущаешь прикосновение металла наручников, защёлкивающихся на твоих запястьях, вдыхаешь смрадный запах застенков.

– Почему я?

Наверняка каждый, кто оказывался здесь, задавал этот вопрос. Глупый, ненужный, бесполезный.

– Что именно ты хочешь знать?

Тяжёлая горячая ладонь вампира переместилась на моё

плечо. Освободившейся руке стало легко и прохладно. Странное ощущение, всё тело напряжено, лишь одна рука расслаблена, будто объявила суверенитет всему организму.

– Как вы отбираете нас?

– Находим не привитых с помощью комаров. Ты же обнаруживала у себя небольшой пузырьёк на коже?

Я кивнула.

– Тебя укусил наш комарик, выращенный в королевской лаборатории, вернулся с образцом крови, и нас, поставщиков, отправили в вашу страну, за вкусными подарочками для чиновников. Сейчас не те времена, когда каждый вампир имел своего источника. Теперь это могут себе позволить только приближённые к его величеству или те, у кого имеются особые заслуги перед королём и государством. Я вот заслужил.

Тон его объяснений был спокойным, даже немного скучающим, будто бы речь идёт не о похищении людей из страны, а о погоде за окном. Большие руки привычно наливали душистый кофе в изящные чашечки из тонкого белого фарфора, плавными, текучими движениями резали хлеб. Это для меня перевернулась жизнь, а для него ничего не изменилось, обычное солнечное утро, привычный завтрак, привычный запах кофе.

– А что, простолюдины голодные сидят и магию не используют? А ещё говорил, что нашему правительству на нас плевать, ваше – то, выходит, ни чем не лучше?

Вампир расхохотался. Чашка, из которой он уже успел сделать глоток, со звоном ударилась о блюдо. Скорее всего его повеселили ни мои слова, шутить я никогда не умела, а моя готовность к вступлению в диалог.

– Мы их называем младшие вампиры. У нас есть пункты общественного питания, там содержатся люди для всех, кому понадобится кровь. Эти люди родились здесь, в специальных условиях. Они, конечно, представляют ценность, но не такую, как первозданный источник. Так что, я очень богат, и статус мой довольно высок. Кровь первозданного источника даёт больше возможностей, более крепкую связь со стихией. На мою тарелку лёг жёлтый кусочек дыни. Я отрицательно покачала головой, скрестив руки на груди. Я не скотина, которую откармливают на убой. Тебе придётся считаться со мной, придётся вступать в переговоры, идти на компромисс. Не для того воевали наши прадеды, чтобы их потомков воровали, как кур из курятников и пичкали кормом полезным и питательным для получения крови. Хочешь эндарфинов? Ну так убей своего короля, залей свою солнечную зелёную страну багрогом, сотри её с лица планеты! Это принесёт мне гораздо больше радости, чем твои деликатесы.

– Так, – вздохнул Вилмар, в одно мгновение поднявшись со своего места и нависнув надо мной. – Объясняю в последний раз: Тебе необходимо хорошо питаться, от этого будет зависеть продолжительность твоей жизни, твоё здоровье, твоё самочувствие

Голос вампира зазвучал с пугающей мягкостью. От его нарочитого равнодушия по спине пробежали противные мурашки.

— Хочу предупредить сразу, с теми, кто пытается объявить голодовку, ты не одна такая гордая и принципиальная, мы поступаем довольно жёстко. Кормим принудительно, через зонд или сдаём в пункты общественного питания. Так, что запомни, девочка, манипулировать собой я не позволю. Даю тебе ровно одну неделю на адаптацию, а потом буду брать кровь, так и знай, прими это, как факт. И не вздумай разжалобить меня слезами или закатить истерику. В любом случае держаться дольше, живя под одной крышей с источником, я не намерен.

Я закрыла лицо руками. Всё! Больше не могу! Меня день за днём будут доить, как корову. С начала кормить, потом доить, и вновь кормить. И так по кругу. Жалкая беспомощная, глупая, не способная отстоять себя, не способная бороться серая мышка. Я буду жрать эту пищу, давясь слезами, давясь собственной гордостью, чтобы избежать ещё большего унижения. Я умерла, меня уже нет ни для бабушки, ни для подруг, ни для учеников. Мне остались считанные дни или месяцы, которые я проведу в заточении. Может повеситься? Но у меня не хватит духа. Моя душа сколько угодно может желать смерти, отдыха, коварной мести, но телесная оболочка хочет жить. Она всегда хочет жить, у неё нет принципов, нет гордости, нет моральных устоев, у неё есть только боле-

вые рецепторы.

– Нет! – рыдала я, раненым зверем, загнанным в угол. – Я не смогу так, я не выдержу, я что не– будь с собой сотворю, я сойду с ума!

Напряжение всех этих дней вырвалось наружу и теперь текло из глаз и носа, сотрясало тело, вырывалось из горла хриплыми воющими звуками.

Сильные руки обхватили меня, прижали к рельефной груди, в которой гулко билось, такое же огромное, как и сам этот вампир сердце. Попытка вырваться из крепкого кольца его рук не увенчалась успехом. Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Я ревела, щедро орошая слезами, его рубашку. А он, терпеливо ждал, когда приступ моего отчаяния пройдёт. Я оплакивала свой привычный мир, из которого меня вырвали, оплакивала Валерку и свои натужные попытки обрести с ним счастье, свою свободу и такую неяркую, лишённую событий жизнь. Я ничего не успела, ничего не сделала, ничего не испытала. Могла ли я знать, что линия моей судьбы так резко прервётся? Ох, если бы я знала, то не сидела под крылом бабушки, а, вместо этого, разбив тёплый и комфортный колпак Бабуриной гиперопеки, наслаждалась жизнью. Мне казалось, что всё впереди. Вот окончу школу и тогда... Вот окончу институт и тогда... Вот устроюсь на работу и тогда...

Но слёзы не могут литься вечно, поток иссяк, и на смелую отчаянию пришло опустошение. До меня начали долетать

посторонние звуки, шёрох листьев, пронзительные крики стрижей, шуршание занавески, колыхаемой ветром, о подоконник. Я застыла в руках этого существа, в его тепле и надёжности, слушая его дыхание и понимая, с ужасающей ясностью понимая, что у меня не осталось ничего, ни родных, ни работы, ни себя самой, только он.

Его ладони теперь гладили меня по спине, шеи, волосам.

– Не всё так плохо, – говорил Вилмар. Накручивая мой локон на палец. – Поверь мне, Инга, лучше я, чем кто– то другой. Сейчас прибудет курьер, привезёт вещи, которые я заказал для тебя, кое что из одежды и предметов личной гигиены. Если чего– то не хватит или что– то не понравится, закажешь по Интернету сама. Знаешь, мне тристо лет, а я по– прежнему , не могу с точностью ответить на вопрос; что нужно девочкам ?

– У вас есть Интернет? – спросила я, не сколько по тому, что меня это удивило, мне вообще было наплевать, что там у них есть, а чего нет, а сколько для того, чтобы проверить, не сорвала ли я голос окончательно своими нечеловеческими воплями.

Но вампира это воодушевило. Ещё бы, уж слишком неудобный ему источник достался. То болеет, то от еды, такой питательной, по причине дурацкой гордости и патриотизма отказывается, то ревёт белугой. Негативные эмоции повышают уровень адреналина в крови, а мы их не любим, нам вкусенького подавай.

– Конечно, есть, – рассмеялся он. – Зачем истощать свой магический ресурс, когда можно воспользоваться изобретением человечества? А ещё у меня есть сад, маленький, но очень красивый, где ты можешь гулять и бассейн, где можешь плавать. Но существует один запрет: никогда, не при каких обстоятельствах не выходить за ворота. Я обязательно покажу тебе город, мы будем ходить на море, посещать вечерние представления, тебе понравится. Но одна ты никуда не выходишь. От этого зависит твоя жизнь. Ты поняла меня, Инга?

Теперь он держал моё лицо в своих ладонях. Его глаза были так серьёзны и в них было столько тревоги, что мне ничего не оставалось, как ответить:

– Да, Вилмар, я поняла.

Но, чтобы оставить последнее слово за собой, и хоть немного ужалить самолюбие этого зарвавшегося мужика, добавила:

– Но и у меня к тебе будет небольшая просьба. Пожалуйста, больше не прикасайся ко мне. Поверь, это очень неприятно, когда в твоё личное пространство вторгается тот, кто тебе противен.

В зелёных омутах мелькнули удивление и что-то похожее на понимание.

– Как скажешь

В голосе, или это я приняла желаемое за действительное, проскользнула растерянность. Он встал со своего места и

отошёл к окну. Не демонстрируя обиду, а просто для того, чтобы не раздражать меня. Своими плавными кошачьими движениями, безмятежным выражением лица, увеличившейся дистанцией, он, словно хотел сказать: « Я не навязываюсь, видишь, как далеко я нахожусь от тебя. Тебе не стоит бояться, я больше не приближусь».

Воцарилось тягостное, неприятное молчание. Я вгрызалась в рыхлый кусок дыни и ругала себя. И кому я решила что— то доказать? Кому сделала хуже? Хотела поставить вампира на место? Хотела уколоть его? Дура! Вилмару глубоко плевать, как я к нему отношусь, что я о нём думаю и кем считаю. Если он захочет моей крови, то он её возьмёт и разрешения спрашивать не станет. Это мне тяжело, это мне страшно, это мне необходимо чьё-то участие, чья-то поддержка. И Вилмар решил меня утешить, хотя мог бы не заморачиваться подобной ерундой.

Небо уже потемнело, приобретя насыщенный синий цвет. Жёлтый осколок луны заглядывал в окно, сквозь ткань тюлевой занавески.

Я сидела на подоконнике, стараясь отключиться от всего, от окружающего меня страшного настоящего под нарядной личиной, от дум о будущем, но особенно от картин прошлого. Только память не милосердно подсовывала то унылый вид моего двора , старые грязно— серые пятиэтажки, тусклый фонарь, скрипящий на ветру, ряд ржавых мусорных баков, то бабушку, склонившую над шитьём седую голову. Блеск

иглы в тонких, скрюченных старостью пальцах, линиялый халат на хрупкой, сторбленной фигуре. Бубнит телевизор, тикают часы в прихожей, такие же долгожители, как и моя бабушка. Как же меня раздражали эти часы. Громоздкие, из тёмного дерева, занимающие собой половину стены. А когда они начинали бить, мне хотелось сорвать этот раритет и выбросить в один из тех ржавых баков, так живописно расположенных во дворе.

И вот теперь мне отчего— то стало жаль этих часов. Захотелось вновь услышать их бой, пройтись ладонью по гладкому полированному дереву. Моя маленькая комната, свет настольной лампы, исписанные листы бумаги. План работы, конспекты уроков, тетради для контрольных работ. Скрипят половицы под шагами бабушки, гудит холодильник на кухне. Ещё вчера всё это было. Хотя нет, не вчера, а три дня назад. Три дня, выпавших из моей жизни, три дня, перечеркнутые всю мою жизнь.

Вилмар подошёл тихо. Ну конечно, он же клятый вампир, они только так и ходят, тихо, осторожно, словно кошки.

— И не надоело тебе здесь сидеть? — а на губах усмешка, словно взрослый дядечка застукал малыша на краже конфет. — Вышла бы в сад или книжку бы какую почитала. У меня неплохая библиотека.

— Настроения нет, — даже головы в его сторону поворачивать не хотелось. Неужели он в серьёз полагает, что я буду чувствовать здесь, как у себя дома? Да и вообще, чего он ко

мне прицепился? Сижу тихонечко, никого не трогаю, никому не мешаю.

– Посмотри на меня, – голос его был не суровым, но твёрдым, словно у доктора, который решил назначить больному болезненную, но эффективную процедуру.

Я осталась сидеть неподвижно. Насмотрелась уже в зелёные очи и на белоснежную, лучезарную улыбку, а толку то что?

– Я, кажется, попросил, – не унимался вампир. – Повернись ко мне лицом, пожалуйста.

А не пойти ли ему куда подальше? Жаль, что я не Наташка. Отбрила бы так, что всю свою вампирскую долгую жизнь рефлексировал. Ах, подруга, как же мне тебя не хватает, как же я скучаю по тебе, по нашим разговорам, спорам, твоим советам. Ну вот, опять эти дурацкие слёзы. Да уж, что у меня в жизни хорошо получается, так это плакать, как выражаются мои ученики: «Наматывать сопли на кулак».

– Инга, это не выход. Нам нужно с чего то начинать, как-то общаться. Расскажи мне о себе, что ты любишь, чем интересуешься.

Ладно, сам напросился.

– Люблю читать женские романы, люблю гулять по городу с подругой Наташей, люблю, пить чай с бабушкой по вечерам, люблю готовить. И вот теперь, по твоей милости, я лишена всего этого!

Я старалась вложить в каждое слово, как можно больше

ненависти, горечи, злобы. Пусть не думает, что мне нужно его участие, его жалость. Жалость палача, предлагающего мыло тому, кого собирается повесить.

Несмотря на то, что моим ядом можно было бы морить блох и тараканов, вампир ни чуть не обиделся.

– Романов у меня нет, – спокойно сказал он. – Но я попрошу Илву и Брунгильду, они не откажут мне в этой маленькой просьбе. Готовить можешь на моей кухне, я буду только рад горячему ужину, вернувшись со службы. Вечерние чаепития мне и самому по душе. Ну, а на прогулку, приглашаю тебя прямо сейчас. Город я покажу тебе чуть позже, а вот по саду можно пройтись.

Я опешила от такой наглости. Мне то хотелось его устыдить, показать ему всю свою тоску по дому и нежелание общаться с ним, а он так ничего и не понял, или понял, просто притворяется.

– Нет, спасибо, – отрезала я. – Посижу здесь.

– Глупо тратить такой чудесный вечер на просиживание в комнате. Или тебе настолько неприятно моё общество?

– Ты сам это озвучил, мне не пришлось ничего говорить.

– Но почему?

– Как почему? – я всерьёз начала думать, что у этого красавчика

«не все дома». – Ты вырвал меня из моего мира, от родных людей, чтобы пить мою кровь и ещё смеешь удивляться, почему я не прыгаю от радости?

– Так значит, – вампир устало опустил рядом со мной на подоконник. Очень близко, ещё немного и дотронется, дотянется до, такой незащищённой оголенной шеи. – Если мы немедленно не покинем дом, я не стану дожидаться недели. Какой смысл давать тебе время привыкнуть ко мне, когда ты не желаешь этого делать?

Его коварные глаза смеялись, но лицо было серьёзным. Да и что мне стоит пройти с ним?

– Чёрт с тобой, пошли, – сказала я, прыгивая с подоконника.

Сад благоухал запахами ночных цветов и трав, шумел листвой, звенел от стрёкота цикад. Небольшие разноцветные шарики прыгали с ветки на ветку, освещая нам путь.

– Тебе нелегко, – начал Вилмар. – Но признайся, и на родине тоже было не так уж радостно. Работа не приносящая хорошего заработка, постоянная нужда, неуважение коллег, проблемы в личной жизни.

– Не тебе рассуждать о моих проблемах, – огрызнулась я. – Может мне тебя отблагодарить за то, что ты лишил меня всего этого и притащил сюда.

– А что плохого в том, что ты здесь?

– В том, что ты – враг, в том, что твоя страна – это территория вампиров, в том, что я скоро помру от кровопотери. И, наконец, в том, что я перестала быть свободной.

В темноте я споткнулась о какую-то корягу и чуть не растянулась на траве, но сильная рука Вилмара подхватила

меня, спасая от падения. Просто помощь, не таящая ничего личного, но мне на мгновение показалось, что в том, как он притормозил моё падение, было что-то интимное. Темнота, мы вдвоём, его рука, обвивающая мою талию, так бережно, словно боясь напугать, но так крепко, словно опасаясь потерять. Тьфу! Да что за глупости в голову лезут?

– Я не враг, Инга. Я не желаю тебе зла, наоборот, стараюсь, чтобы было комфортно в моём доме, чтобы ты ничего не боялась. А что касается свободы, так ты не знала о ней никогда. Тебе приходилось есть куриные потроха, несмотря на то, что хотелось говядины, носить старый свитер, вместо нового, так приглянувшегося тебе костюма, сидеть в городе всё лето, потому что не хватает денег на путешествие, брать на себя лишние обязанности на работе под страхом увольнения, сдавать энную сумму на очередной памятник триумвирату, лишь бы отстали, лишь бы не обвинили в недовольстве существующим режимом. Это свобода по твоему?

– Ай– ай-ай! Какие мы оказывается несчастные! – я постаралась придать голосу как можно больше сарказма. – И нищие, и трусливые, и СГБ нас подавляет. Будто бы при вас, мы жили, словно птички райские, чирикали и горя не знали. Только вот от ваших клыков гибли люди. Как ты думаешь, что чувствовал второй ребёнок в семье, зная, что когда ему стукнет восемнадцать, его отдадут вампиру, зная, что жизнь его будет весьма короткой, что каждый ваш укус приближает его к смерти. А какого матери, растить дитя и знать, что от-

даст его. Что однажды, в дверь позвонят и на пороге окажутся те, кто живёт дольше нас, умеют укрощать стихию, убивать одним взглядом, но не могут любить и сострадать.

Сад шумел, сад жил своей жизнью, радовался наступившей прохладе. Саду был глубоко безразличен наш спор. А чего ради я затеяла этот идиотский разговор? Куда он нас заведёт? Чего я жду? У него своя правда, у меня своя. Или я хочу, чтобы Вилмар проникся моей пламенной речью, раскаялся и отправил меня домой? Глупо и наивно! Нет таких слов, чтобы заставить его сделать это. Да и когда словоблудие приносило какую-то пользу?

– А что чувствует шахтёр, ежедневно опускаясь в шахту, а человек, работающий на химическом заводе, а водитель, выезжающий на оживлённую трассу? Разве они не рискуют? Риск умереть есть во всём и всегда, но зачем об этом думать. И вы – люди не думали. Вы просто служили нам, заметь, не за просто так, а за хорошие деньги, за положение в обществе, за возможность обзавестись нужными связями. Да и матери не роптали, сами готовили своих чад для нас. Правильно кормили, заставляли вести здоровый образ жизни. Да, были случаи и со смертельным исходом. Любой из нас может сорваться и взять слишком много, но и на заводах рабочим отрывает руки, а в шахтах происходят обвалы. Только однажды, кучка бездельников решила, что власть должна принадлежать им. Она назвала себя группой освободителей и принялась вносить смуту в массы, обещая богатство, власть,

жизнь без труда и проблем. Гадости среди вас, людей распространяются быстро, и вот случилось то, что случилось. Знаешь, Инга, мы бы могли уничтожить вас, несмотря на то, что после войны численность вашего населения стала здорово превосходить. Нам ничего бы не стоило, зализав раны на островах, вернуться и дать бой, призвав стихию. Но мы не сделали этого и, как видишь не делаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.